

863(5k)

M25

43

А.Х. МАРГУЛАН

МИР КАЗАХА

Алматы, 1997

489518

00.015 №31

1125

A.X. МАРГУЛАН

00.015 №31
1125

Алькея

А.Х.Маргулан. Мир казаха / « Институт развития Казахстана,
Международный фонд им. академика Алькея Маргулана.
1997 г. - 57 стр.

Сборник ранее не опубликованных работ А.Х.Маргулана,
посвященных истории казахов. Адресуется научным сотрудни-
кам, студентам, а также будет интересен широкому кругу чита-
телей.

© Институт
развития Казахстана

© Международный фонд
им. академика Алькея Маргулана

ISBN - 5 - 7667 - 2088 - 2

+

А. Марғұлан

С. Торайғыров атындағы
Павлодар мемлекеттік
университетінің
ғылыми кітапханасы
Научная библиотека
Павлодарского госу-
дарственного универ-
ситета им. С. Торайғырова

Предисловие

Предлагаемый читателям сборник ранее не опубликованных статей А.Х.Маргулана приурочен к Первому Международному симпозиуму, посвященному памяти Алькея Маргулана, и назван “Мир казаха”, мир с тотемным стилем мышления и трепетным отношением к духу предков, мир мифов и легенд, гармонично вписывающийся в степные просторы юртой, мир, открытый Космосу и Вселенной.

Мы надеемся, что вслед за этим небольшим сборником начнется выпуск десятитомного собрания трудов А.Х.Маргулана.

*Данель Алькеевна Маргулан
- ответственный
редактор-составитель*

*Ерлан Мухтарович Арынов,
Президент
Института
развития Казахстана*

Маргулан

Арынов

ПЕТРОГЛИФЫ С ТОТЕМОМ ВОЛКА. ТОТЕМ ПЛЕМЕНИ ШАПЫРАШТЫ

К древнейшим памятникам искусства относятся наскальные гравюры, встречающиеся по всей территории Казахстана: в горах Улутау, Каратау, Хантау, Бетпак-дала, в долинах рек Буланты, Блеуты, Сары-су (Теректы), в горах Баян-Аула, Каркаралы, Северного Прибалхашья, Чингизтау, Алтая, Тарбагатая, Западного и Восточного Алтая, на Мангышлаке. Среди этой группы памятников уникальным являются величественные гравюры эпохи палеолита, расположенные в горах Центрального Казахстана на гранитных скалах Теректы, Тесик-Таса, Баян-Аула, Саяка и Мангышлака. Большой выразительностью отличаются скальные гравюры микролитической культуры неолита, встречающиеся в горах Улутау, Баян-Аула, Каркаралы, Северного Прибалхашья и Тарбагатая. Более распространены скальные гравюры бронзового века. Удивительно то, как древние художники создавали эти грандиозные картинные галереи под открытым небом. Поражает мастерство художников, которые творили буквально прикованными к труднодоступным скалам. Древние творцы, по всей видимости, хорошо знали особенности горных пород. Творения древних художников сравнимы с поэтическими мифами и являются своеобразным проявлением мироощущения, мировосприятия древнего человека, населявшего территорию Казахстана.

Материалом для нанесения гравюры служили гранит, порфир, диорит, песчаник, сланец-филлит. Техника выполнения заключала три способа: точечная выбивка, прочерчивание и скальная живопись. Исключительный интерес представляет

монументальная наскальная картина, изображающая первобытного быка, опоясанного красной нитью. Эта картина находится в гроте Тесик-тас Шетского района в Каркаралинской степи, выполнена она тремя указанными способами. Впервые эта гравюра была исследована автором в сороковых годах. Относительно ее происхождения ученые склонны предполагать, что она создана “в эпоху мамонтового фаунистического комплекса” [1]. Исследования обширных степей Сары-Арки приводят к выводу о том, что скальная гравюра и живопись в этом регионе сопутствуют друг другу и “связаны с творческой деятельностью групп: граверов и живописцев” [2].

Скальные гравюры на территории Казахстана представляют собой величайшее сокровище, оставленное нашими пращурами, и служат первоисточником в изучении истории прошлого. Поражает необычайная распространенность гравюр по территории Казахстана, мастерство выполнения и сюжетное богатство. В творениях древних художников мы встречаем изображение диких животных - кулана, сайги, антилопы, архара, марала, первобытного быка, бизона, барса, волка, пещерного льва (Теректы), диких лошадей. Животные показаны в движении, полны экспрессии. Удивительно, как древние мастера могли передавать горделивую осанку двугорбых верблюдов, стройность скакунов, изящество оленей, сайги, пружинистую готовность к нападению, характерную для барса. Имеется серия гравюр, в которых животные изображены в состоянии покоя (“Мир бытия” (Хан-тау), “Свет и тьма” (Хан-тау), “Картина мира” (Арпаузен), “Степная симфония” (Мангыстау). Особенно интересны гравюры, отражающие сцены охоты, борьбы животных, схватку богатых с хищниками. На наскальных рисунках можно увидеть изображение пастбищ и рудников, зарисовки из жизни древних скотоводов и металлургов, кочевые караваны. Сюжеты некоторых гравюр с изображением кочевых караванов верблюдов и групп всадников на конях (Улуту, Буланта, Блеуты, Абралы) как бы иллюстрируют древние легенды казахов о Жел-Мае. Одна из гравюр Центрального Казахстана вызывает особое восхищение. На ней изображена культовая сцена - баксы в ритуальном танце перед жертвенными конями, фигуры небесных богов и танцующих людей (Желтау).

В серии гравюр отражены мифологические сюжеты, представления о прошлом, Большой культурный интерес представляют гравюры со сценами жертвоприношения и поклонения небесным светилам - “Небесное божество”, “Солнцеликое божество” (Центральный Казахстан, Батпаксу, Тамгалы); “Солярное божество” (урочище Тамгалы, горы Кулжабасы); “Солярное божество, стоящее на быке” (Тамгалы); “Солярные боги” (Джунгарский Алатау); “Умай” - женское божество гунно-тюркского времени (Балькуль); покровитель стад - “Бог скота” (горы Хантау); покровитель коров - “Многорукое божество” (Тамгалы), по сюжету соответствующее казахской легенде “Зенгы-ата”; “Ойсыл-кара” - покровитель верблюдов (Каратау), время гуннов, изображение точно передает рельеф бляхи из Ноин-Ула; “Великая жрица, охраняющая стадо” (Хантау); “Астральные мифы” (Батпаксу); “Колдун (баксы), усыпляющий диких зверей” (Хантау); “Жезтырнак” - монстр (Хантау, Чингизтау).

Исключительную ценность представляют также гравюры, на которых изображены повозки и колесницы, составлявшие один из самых характерных атрибутов жизни племен (саков, кыпчаков, уйгуров) в более поздние периоды истории. Петроглифы с изображением колесницы изучены в горах Улатау, Каратау, Хантау, Кенелы (к северу от Балхаша), Тарбагатае, в урочище Тамгалы в Джунгарском Алатау, гравюра с изображением повозки с упряжкой верблюда находится в долине Буланта, ниже рудника Байконур. Подобные гравюры с изображением повозок (кюйме) встречаются преимущественно на территории Казахстана и Монголии.

Особую значимость имеют петроглифы, где перед нами предстают конные воины с копьями, на конце которых развевается знамена с изображением волчьего тотема. Начало зарождения этой традиции восходит к гуннскому времени. Петроглифы с подобным сюжетом встречаются в горах Алтая, Тарбагатае, Семиречья. В горах Джунгарского Алатау (Тамгалы), Кулжабасы, Анракой (Тамгалы), Хантау и Курдая.

Волк - один из сильнейших тотемов тюрко-монголов, олицетворяющий могущество и власть, охраняющий землю и пастбища. Легенды о значении волка, как защитника и покровителя людей в период бедствий, широко распространены среди

тюркских племен, начиная со времени саков, гуннов, усуней. Древний человек делает волка своим тотемом, ибо в его представлении волк - наиболее сильное, агрессивное и опасное существо, у которого следует искать покровительства и которого желательно видеть своим предком. С точки зрения своих физических качеств, именно волк становится искомым объектом родового фетиша. Ориентация на волка представляет собой особое значение на степных просторах Казахстана. Культ волка впервые отмечается у скифов-саков. Сакские племена, населявшие низовье Сырдарьи и Приаралье, в честь волчьего тотема ежегодно устраивали конно-спортивные празднества, участники которых были в волчьих масках и волчьих шкурах [3]. Традиции эти сохранялись у тюрко-монгольских племен до наших дней. У казахов, туркмен, кыргызов эти игры существуют под названием "кок-бор" (как-бар) - серый волк. Один из вариантов конного спорта "серый волк" у казахов носит название "кыз-бор" - "девушка-волк" - модификация древнесакской традиции игр в волчьих масках и волчьих шкурах [4].

Древние предания гуннов, усуней и тюрков нашли отражение в китайских источниках времен правления династий Чжоу, Хань, Вэй и Тань. Так, по древней легенде, у хуннского правителя Шаньюя родились две дочери чрезвычайной красоты. Вельможи считали их богинями. Отец вопрошал: можно ли таких дочерей выдать за людей? Я предоставлю их Небу (Тенгри). Он поселил своих дочерей в тереме, в необитаемом месте к северу от столицы (Талас. - авт.) и молил Небо принять их. По истечении трех лет мать пожелала вернуть их, но отец не позволил. Через год после этого в тех местах появился волк, вырыл себе нору и стал день и ночь стеречь терем. Младшая из дочерей решила, что это счастливое предзнаменование. Она сошла к волку, вышла замуж и родила сына. Потомство их размножилось и составило государство [5].

В легенде о происхождении усуней рассказывается о том, что усуньский правитель имел обширные владения на западных хуннских пределах. Однажды владетель был убит в сражении, а Гуньмо - усуньский правитель, только что родившийся, был брошен в поле. Птицы склевывали насекомых с его тела, волчица приходила кормить его своим молоком. Гуннски

Шаньюй изумился, счел его духом, поэтому его взял к себе и воспитал. Когда же Гуньмо подрос, то Шаньюй сделал его предводителем войска. Гуньмо героически отличился в походах, и Шаньюй возвратил ему владения его отца. Гуньмо сделался сильнейшим правителем, имел опытное в сражениях войско. Гунны считали Гуньмо, вскормленного волком, духом и особенно не тревожили его. Очевидна ориентация этих легендарных мотивов на представление о происхождении усуней от великого волчьего тотема [6].

Еще в одной китайской летописи отмечено, что тюрки происходят из рода хуннов. Так, во время одной из грандиозных битв тюрки были истреблены, остался один десятилетний мальчик, которого волчица кормила мясом. Враг заметил это и хотел убить их. Волчица с мальчиком укрылись в стране на восток от западного моря (Аральского), в центральном узле Алтайских гор. Здесь были пещеры и равнина, окруженные со всех сторон недоступными высокими горами. В этих местах беглецы укрылись, и волчица родила от подростка 10 сыновей. Потомки размножились и впоследствии образовали 10 племен (он ок). В их числе был знаменитый род Ашина (Шене-волк). Ашина - человек с великими способностями - был признан государем, который "над воротами своего местопребывания выставил знамя с волчьей головой - в воспоминание своего происхождения" [7].

О значении волчьего тотема для тюрков отмечено в китайской летописи "Тан-шу" и в других источниках. Тюркский каган носил роскошный головной убор и знамена с золотой волчьей головой. Знамена с золотой волчьей головой были также у тюркешей и карлуков (VI-VIII вв.). "Хан, гордясь своей силой, выставил войско, подвел... поклониться волчьему знамени" [8]. Этим знаменем пользовались предводители и знаменитые воины. Золотое знамя с волчьей головой они прикрепляли к острому концу длинного копья, и голова волка вдохновляла дух воина к победе.

Уникальна гранитная стелла, найденная в Монголии, с изображением волчицы и фигурки мальчика под ее брюхом. По сюжету памятник относится к раннетюркскому времени (V-VI вв.) [9].

В связи с исследуемой темой огромный интерес вызывает находка из Беговата (1952 г.), представляющая собой литую бронзовую статуэтку всадников на волке. Волк изображен в реалистической манере в галопирующей форме, на нем великан и мальчик. Статуэтка хранится в музее истории народов Узбекистана [10].

Мотивы поклонения волку как другу и покровителю человека прослеживаются на дисковидном медальоне из Центрального Казахстана, на другой стороне медальона - скульптура кентавра (человек-лошадь), стреляющего из лука. По сюжету памятник относится к творениям древних кыпчаков (VI-IX вв.), хранится в архиве А.И.Шренка в МАЭ.

В известной легенде "Огуз-наме" изображен волк-проводник, показывающий дорогу Огуз хану в трудные моменты его путешествия. Сюжет большого каравана изображен на наскальных гравюрах, находящихся в прибрежных скалах реки Буланты Жезказганской области. Во главе каравана бежит огромный волк, за ним жеребец со всадником, позади вереница верблюдов. В "Огуз-наме" есть сообщение о походе Огуз хана в Башкирию против Ит-Барака. Возможно, булантинские гравюры иллюстрируют подобные этические сюжеты.

Изображения волка как сильнейшего тотема часто встречаются в древних произведениях искусства гуннов, огузов и кыпчаков, они отражены в барельефах в виде золотых, бронзовых и деревянных украшений. Этот феномен освещен в исследованиях советских и зарубежных авторов на основе памятников Пазырыкских, Ноинулинских, Котандинских и Шибинских погребений, курганов Семиречья, Тянь-Шаня, Сырдарьи и Приаралья.

Необходимо отметить, что знамена с тотемом волка сохранились до наших дней в виде изображений наскальных гравюр и росписей на стенах древних сооружений.

Большая серия наскальных гравюрах, где встречаются изображения знамен с тотемом волка, находится в долине реки Чу, в горах Курдайского хребта, в регионе, который в древности был центром Западно-Тюркского каганата со столицей Суяба. На гравюрах Курдайского хребта предстают всадники-воины, вооруженные копьями, к которым прикреплены знамена с вол-

чьим тотемом. Голова волка с заостренными ушами выполнена очень выразительно, как и подобает великому тотему, вдохновлявшему воина в битве. Древнетюркские мастера для изображения батальных сцен использовали гранит, на поверхности которого гравюры выглядели выпукло и впечатляюще (горы Хантау, Каратау и Каркаралы) [11].

Обширная серия наскальных гравюр, сюжет которых сходен с сюжетом курдайских гравюр, обнаружена в горах Джунгарского Алатау, в верховьях реки Каратал. Находка этой интересной серии гравюр Семиречья принадлежит исследователю А.Н.Марьяшеву [12].

Наряду с петроглифами, непреходящее значение для исторической науки, истории культуры и искусства представляют стенные росписи с изображением знамени с волчьей головой и относящиеся к произведениям мастеров Западно-Тюркского каганата. Большое число росписей обнаружено при раскопке городов VI-VIII вв. Сюжетное построение росписей очень близко или повторяет сюжеты наскальных рисунков Семиречья.

Уникальна и чудесна роспись на стене древнего мавзолея Жубан-Ана (VIII-IX вв.), находящегося в долине реки Сарысу. Он построен из жженого кирпича в форме "дын" (пирамида) и по структуре весьма сходен с мавзолеем Козы-Корпеша и Баянсулу на р.Аягуз и Домбаул. Этот чудом сохранившийся мавзолей был частью разрушенного старинного города Юанж, который упоминается на карте Махмуда Кашгари, севернее озера Балхаш и у Рашид-ад-дина, на реке Сарысу, недалеко от гор Ортак (Ортау) [13].

Мавзолей Жубан-Ана кратко описан Чоканом Валихановым, который отмечает, что на нем много "жалау" - знамен, как свидетельство общественного положения погребенного (III, 232-233). Особую ценность представляет роспись на восточной наружной стене, где изображен лук со стрелой и волчьим тотемом.

Роспись подобного типа обнаружена на стенах городища Пенджикент. Характерно, что композиция росписи почти повторяет наскальные гравюры Семиречья: всадники, вооруженные длинными копьями со знаменем, на котором изображен волчий тотем.

Огромный научный интерес для изучения истории Тюркского каганата представляют знамена. Которых всего найдено 15, где цветными красками художественно выполнена голова волка с заостренными ушами. Эти находки имеют прямую связь с гравюрами Семиречья.

Миниатюрные варианты росписей с изображением знамени с волчьим тотемом встречаются часто. На них мы останавливаться не будем. К одной из самых ранних гравюр относится роспись, найденная в гробнице Ханьского времени. Голова волка передана в миниатюрной и незатейливой форме и отличается от изображений на тюркских знаменах более простой формой. Памятник датируется временем гуннов, возможно, ранним периодом истории гуннов. Подобный (похожий) рисунок высечен на скалах Енисея, на нем изображен кыргызский воин на коне с копьем, от которого вниз свисает изображение знамени с двумя волчьими головами. Памятник относится к VII в. н.э., что свидетельствует о существовании у кыргызов традиции, восходящей к гуннам [14].

Большая серия наскальных гравюр с изображением наконечников стрел и волчьей головы обнаружена экспедицией Каракалпакского филиала Академии наук Узбекской ССР на Устюрте, на территории Казахстана и Каракалпакии. Масштаб гравюр наконечников стрел, нанесенный на одной площади, занимает длину 900 м, ширину 600 м. Среди элементов гравюры - фигура, на голове которой волчьи уши. Характерно, что на верхних концах ушей также выгравированы острые наконечники стрел [15].

Распространенность изображений волка - свидетельство могущества и почитания среди древних племен тотема волка. Почитание тотема волка дошло вплоть до наших дней у казахов племени шапырашты Старшего жуза, традиционно сохранивших некоторые обычаи древних гуннов. В этническом отношении шапырашты являются потомками семиреченских гуннов, еще конкретнее - их происхождение восходит к гуннскому племени икей (икой), у казахов сохранившегося под именем екей [16]. Знаменитый казахский акын Суюнбай (XIX в.) и великий Жамбыл происходят из рода екей. При встрече с кыргызским манапом Умбетали Суюнбай представил себя:

---

*Екей деген ел едім
Сүйінбай деген мен едім.*

*Я из племени екей
Акын Суюнбай [17].*

Из рода екей вышли не только Жамбыл и Суюнбай, он славен тем, что среди екейцев много талантливых людей - акынов, зергеров (мастеров), шаманов, баксы.

Культ волка на протяжении тысячелетий сопутствовал людям племени шапырашты, и вполне естественно, что некоторые традиции, связанные с этим культом, сохранились до наших дней. Так, молодые женщины, желающие родить сына, едят волчьи печень и сердце. В качестве талисмана шапырашты привешивают к детской колыбели волчьи уши и лапки. В некоторых жилищах сохранились старинные копья с волчьим знаменем. Так, по свидетельству Жамбыла, знамя с волчьей головой украшало копья шапыраштинских богатырей Суранши и Бугубая. Он пел:

*Ақ найзаның басына
Желекті ту байладым.*

*На остром конце копья
Водрузил колыхающуюся знамя [18].*

Еще более выразительные строки принадлежат другу Жамбыла акыну Суюнбаю:

*Бері басы ұраным
Берілі менің байрағым.
Берілі байрақ көтерсе,
Қозып кетер қайдағым.*

*Волчья голова - мой боевой клич,
Волчье место - моя родина,
Когда водружается волчье знамя,
Тебя окрыляет боевой дух.*

Анализируя изложенный материал, можно сделать следующие выводы. Искусство древнего человека представляет собой

своеобразный поиск, первичную попытку освоения окружающей действительности на самых ранних стадиях общественно-го развития. Очевидна предельная общность человека и природы, невыделенность человека из природы, окружающей его. Подобный уровень представлений оказывается первоначальным даже по отношению к собственному мифологическому мышлению, поскольку в последнем предполагается достаточно развитое историческое понимание сущности рода, и объяснение действительности достигается путем обращения к исторической памяти. Петроглифы, анализируемые нами, явно относятся к тому этапу развития человеческого общества, который может быть квалифицирован как предпосылочный по отношению к мифологическому. Если в мифе человек уже довольно четко выделяет себя из природной среды, то этап наскальных гравюр характеризуется невыделенностью себя из природы, и это находит свое выражение в уподоблении себя “зверям”, в тотемном стиле мышления. И в то же время самыми фундаментальными мифами оказываются те, в которых происхождение людей и животных изображается в рамках тотемистических представлений. Так, в нашем случае образ волка предстает архетипом, т.е. коллективным подсознательным мифоподобным символом.

Литература

1. Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Алма-Ата, 1979. С. 13.
2. Там же. С. 13.
3. Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, ч. 1. С. 888.
4. Киселев С.В. Древняя история Южной Сибири. С. 481, табл. XIV, рис. 3.
5. Геродот. История, 4. С. 46.
6. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М., 1950, 1. С. 41.
7. Кыз-боры - “волк-дева”. Конные игры в Киргизской степи. Всемирная иллюстрация, 1875, N 354; Потапов Л.П. Волк в старинных поверьях и приметах узбеков. КСИЭ, XXX, М., 1958. С. 137-138.
8. Бичурин Н.Я. Собрание сведений. Т. 1. С. 214-215.

-
9. Кляшторный С.Г., Левшиц В.А. Согдийская надпись из Бугута // Страны и народы Востока. Вып. X, М., 1971. С. 121-146.
  10. Рутковская Л.М. Бронзовая статуэтка из Беговата. Совет. арх. 1968, N 1. С. 255-259.
  11. Медоев А.Г. Гравюры на скалах. Табл.57 (Умай), табл.59.
  12. Марьяшев А.Н., Ермолаева А.С., Мотов Ю.А. Новые петроглифы урочища Тамгалы (Джунгарский Алатау).
  13. Огуз-наме. Стамбул, 1972. С. 17,81).

  14. По следам древней культуры. М., 1951. С.220.
  15. Милавский А., Ниязатов Вил. Еще одна тайна пустыни. Советская культура, 1981, N 67, 21 августа.
  16. Екей - ру аты, шапырашты. Үш ғасыр жырлары (Песни трех столетий). Алма-Ата, 1965. С. 180.
  17. Там же. С. 183.
  18. Айтыс. Алматы, 1964. С.216.

ДРЕВНИЕ КАРАВАННЫЕ ПУТИ ЧЕРЕЗ ПУСТЫНЮ БЕТПАК-ДАЛА

Перед человеком, идущим на север от р. Чу, предстает необитаемая пустыня, тянущаяся на сотни километров. Пустыня эта перемеживается невысокими поперечными холмами, обширными солонцами, широкими глинистыми равнинами, изредка встречаются кусты баялыша. Такова картина Бетпак-далы.

Величавая суровая природа этой пустыни наводит на мысль о том, что Бетпак-дала, овеянная историческими преданиями, самая интересная и загадочная пустыня Казахстана, ее можно сравнить со знаменитыми пустынями Центральной Азии (Гоби, Алашан, Цайдам). На протяжении веков эта пустыня была символом необитаемой природы и наводила страх отсутствием воды. Поэтому ей дано название "Бетпак-дала" - "Проклятая (неукротимая) степь".

Животворное, жизненно важное значение для караванов, шедших через Бетпак-далу, имели оазисы этой пустыни. Среди оазисов самым замечательным является обширный песчаный массив, известный под названием Джеты-конур, расположенный в северо-западной части Бетпак-далы. В физико-географическом отношении - это огромная песчаная гряда, вытянутая с севера на юг, имеющая общую протяженность около 160 км. Для караванов, циркулировавших между Кыпчакскими степями и сырдарьинскими городами, оазис Джеты-конур служил местом отдыха и привалов.

Историко-географическими обследованиями установлено, что пустыню Бетпак-дала в прошлом пересекало несколько магистральных дорог с юга на север, следы которых в виде

тропинок, заброшенных колодцев, надгробных памятников и дорожных знаков - омака, сохранились вплоть до наших дней [1]. Основываясь на данных арабских и персидских источников, еще академик Бартольд указал, что "из области ислама было два пути в Степь, на северо-восток: один из низовьев Сырдарьи, другой - от Таласа (ныне Тараз); оба пути вели в область народа кимаков, центром которой была местность к северу Иртыша" [2].

Самая восточная из этих дорог в раннее [3] средневековье соединяла культурные оазисы долин рек Талас и Чу (гг. Кулан и Талас) с кочевьями и поселениями кимаков на Иртыше и Прииртышских степях, а в более позднее время - с городами Западной Сибири. Дорога пролегла от среднего течения р. Чу (район Коктерека) на север и северо-восток, прорезая пустыню Бетпак-дала в ее самой широкой части, и направляясь через горы Жамбыл, Кайыптын-кзылжартасы, Болаттау к верховьям реки Сары-су (ст. Жана-арка), отсюда долиной р. Нуры и Приишимскими степями вступала в низовья рек Ишим, Тобол и Иртыш. С середины XVIII в. этот караванный путь известен под названием Ханжол (Ханская дорога) [4], после того как по нему проезжал со своей дружиной Аблай хан. По архивным источникам, путешествие Аблая в Семиречье имело место в 1753 г. С этим событием связано также происхождение географического названия Хантау, у подножия которой проходит этот караванный путь.

В средние века дорога эта имела большое экономическое значение, поддерживая торговые связи городов долины рек Чу и Талас со степями Центрального Казахстана, а также и городами низовьев Ишима, Тобола и Иртыша. По ней с юга приходили многочисленные караваны, направляющиеся на Ирбитские, Петропавловские и Тюменские ярмарки, где происходила оживленная торговля как восточными, так и русскими промышленными товарами. В виде отголоска этой торговой связи у казахов сохранилась поговорка "Ирбит шапкан бай" - т.е. "богач, получивший монополию торговли на Ирбитской ярмарке".

Со второй половины XIX в. этот караванный тракт еще более оживляется, по нему циркулируют бесчисленные караваны

ны, направлявшиеся на степные ярмарки, периодически устраиваемые в Куянде, Акмолинске, Атбасаре, Петропавловске, а также в Аулие-Ата (ныне Тараз) и Пишпеке (Бишкек).

Во время перекочевок или крупных ярмарок по этой же дороге прогоняли многочисленные стада овец, крупного рогатого скота и табуны лошадей. В топографическом отношении Ханская дорога вообще имеет некоторое преимущество по сравнению с другими караванными дорогами, проходившими через пустыню Бетпак-дала. На всем протяжении этой дороги почти не было недостатка в грунтовой воде, через 25-30 км караваны могли найти источники неплохой воды.

Вдоль дороги имеются места с довольно сносным подножным кормом, наличие которого имело существенное значение для подкрепления караванных животных, утомленных после продолжительного пути. Наиболее известные из этих урочищ, служивших местами привалов и вечерних бивуаков для караванов: Сары-булак - Шойбеке, Ак-мандай, Сары-тама, Кайптын-кзылжартасы, Кенг-кыяк, Садак-куйген, Килькожа, Болаттау. Особенно богаты источниками грунтовых вод и подножным кормом долины Болаттау, составляющие северную окраину Бетпак-далы. Перед вступлением в центральную часть Бетпак-далы караваны, следующие с севера на юг, делали продолжительную остановку, чтобы набраться сил и подготовиться к переходу через пустыню.

Южные маршруты Ханской дороги проходят по наиболее удобным местам Бетпак-далы, окаймленной горными хребтами Жамбылтау, Шагырлы и Байкара, которые отделяют Голодную степь от Чуйской долины. На протяжении 100-120 км, т.е. от Сары-булака до Сары-тама, дорога идет горными долинами с пресными источниками, поэтому переход через эту часть Бетпак-далы не представлял больших затруднений. От Жамбылтау (Ключ Науша) дорога направляется на северо-запад и пересекает ряд небольших холмов с поперечными оврагами, иногда солонцами. Почти на всем протяжении дороги грунт глинисто-щебенистый, местами покрыт галькой. И чем ближе подходит дорога к складчатым возвышенностям Центрального Казахстана, тем выше поднимаются холмы и достигают своей наибольшей высоты в районе Болаттау, где кончаются северные грани-

---

цы Бетпак-далы. С вершины Болаттау открывается великолепная панорама на дальние синеющие горы водораздела Моинты и Сары-су, и человек, утомленный долгой дорогой по Бетпак-дале, вступает в другой мир. Он может отдохнуть возле чудесного источника Каска-булак, расположенного у северо-западного подножия горы Болаттау.

В районе Болаттау Ханскую дорогу пересекает другая большая караванная дорога, идущая от каратауских городов (древний Кумкент, Чулак-курган) в Каркаралинские степи и далее на Иртыш. Она известна в литературе под названием Каркаралинская дорога [5]. Этот путь пролегал от нынешнего Чулак-кургана в северо-восточном направлении по маршруту: Кызыл-жайма (брод на р.Чу), Клы, Шекпен-калган, Тос-булак, Токум-тыккан, Бесбақыр, Болаттау. От Болаттау дорога направлялась к верховьям рек Жамчи и Токраун, минуя долины рек Моинты и Мукур, оттуда Каркаралинскими степями подходила сначала к Каменной мечети или Колбасунской башне, а затем к Туз-кала (Ямышевская крепость) и Долон-карагай. В XVIII в. Каркаралинская дорога сыграла большое культурное и торговое значение [6], связывая Западную Сибирь (Иртыш) с городами Южного Казахстана и Средней Азии. По ней шли шелковые и хлопчатобумажные ткани, вата и сушеные фрукты, легко сбываемые как в Степи, так и в городах Западной Сибири. В тридцатых годах прошлого века по этому тракту путешествовал отец Григория Николаевича Потанина, сопровождавший Кокандское посольство из Западной Сибири в Ташкент” [7].

Каркаралинская дорога - одна из самых протяженных дорог, пересекавших пустыню Бетпак-дала в ее северо-восточном направлении; эта дорога возникла в результате культурной и торговой связи обширной Каркаралинской степи и долины Иртыша с южными городами. Разумный и точно проложенный маршрут основан на многолетнем опыте скотоводов, пересекавших Бетпак-далу сотни раз, и свидетельствует об их умении ориентироваться среди голой и необъятной пустыни.

Дорога подходит к пустыне с ее северо-восточного конца, умышленно обходя Прибалхашские степи, которые по наличию воды и подножного корма беднее, чем участок от Болаттау до Шекпен-калгана (центральная часть Бетпак-далы). Топо-

---

графический фон местностей почти такой же, как на линии Ханской дороги. В большинстве случаев это - всхолмленные равнины, перемежающиеся поперечными оврагами, обширными котловинами и имеющие общий скат к югу. По всей линии дороги грунт глинисто-солонцеватый, покрытый мелкой галькой. До колодцев Кыз-казгана (считая с севера на юг) дорога идет в юго-западном направлении, минуя урочища Толеген и Бесбакыр. Достигнув урочища Кыз-казган, дорога сворачивает на запад, чтобы обойти обширный солонцовый лог Кок-ирюм, затем снова идет в юго-западном направлении и, минуя колодцы Токум-тыккан и Тосбулак, достигает урочища Шекпен-калган - последний источник воды в центральной части Бетпакдалы. Отсюда начинается мучительный и тяжелый переход по безводной, голой и глинистой пустыне, имеющей протяжение около 90 км, считая до самого берега р. Чу. Маршрут в южном направлении облегчается тем, что дорога все время идет на спуск, пересекая лишь ряд невысоких плоских холмов, обширных котловин и солонцов. От вершины холма Тантая дорога имеет более сильный скат к югу, постепенно спускаясь к южным оконечностям пустыни Бетпак-дала, и, минуя урочище Клы и мазар Кара-балы, она вступает в долину р. Чу. Маршрут от Шекпен-калгана до р. Чу считается одним из самых трудных переходов по пустыне Бетпак-дала. И преодоление этого безводного пространства в прошлом было большим достижением для участников каравана, не имевших никаких технических средств и находившихся в полной зависимости от стихии природы. Однако с прибытием в долину р. Чу для каравана заканчивается тяжелое испытание, так как долина здесь изобилует подножным кормом и пресной водой реки Чу [8]. Другие броды на реке Чу, известные под названием Текей и Кокмурынтай, по которым проходили более западные дороги Бетпак-далы, не обладали столь благоприятными условиями.

Наиболее важную ветвь восточных дорог, идущих от таласско-чуйских долин на север, представлял караванный путь, который начинался у древнего Таласа (ныне Тараз), затем шел на север и в районе Болаттау соединялся с другими двумя восточными дорогами, т.е. с Ханской и Каркаралинской. Это путь проходил по р. Талас и через древние поселения Окум и

Кызыл-курган (на р. Чу), выходил на магистральные караванные пути.

Как свидетельствует само топографическое положение этой дороги, в древности она связывала богатую Таласскую долину одновременно с Каркаралинскими и Приишимскими степями и в то же время доходила своим северо-восточным концом до берегов Иртыша.

Другие караванные пути пролегли по центральной и западной части пустыни Бетпак-дала, которые известны в литературе один под названием Уванасский [9], другой, более западный, - Джеты-конурский, или Кендырлыкский [10]. Это древнейшие караванные пути, прорезавшие Бетпак-далу в меридиональном направлении и связывавшие южные города с обширными степями Центрального Казахстана, а также с низовьями рек Ишим, Тобол и Иртыш, где в VIII-X вв. находились поселения кимаков, а в средние века - обширные города Западной Сибири (Искер, Бечик-тура, Тюмень и др.) [11].

Исходными пунктами как для Уванасского, так и Джеты-конурского путей служили на юге гг. Отрар, Туркестан и Сузак. От Сузака обе дороги шли вместе и, достигнув брода Той-откель (или Кокмурын-той) на р. Чу, расходились: одна дорога следовала в направлении к пескам Джеты-конур, другая (Уванасская) - прямо на север, к бассейнам рек Сары-су, Ишим и Нура, продолжаясь до низовьев р. Иртыш. Причем Уванасская дорога пролегла по самой центральной части Бетпак-далы и, пройдя через урочище Уванас, Борытескен, Сорбулак и Мыйкайнар, вступала в долину р. Сары-су, где, на месте нынешней станции Жана-арка, соединялась с восточной (Ханской) дорогой, идущей от долин р. Талас и верховьев р. Чу. Уванасская дорога была самым коротким маршрутом между югом и севером и могла обслуживать торговые караваны и перекочевки аулов только ранней весной или осенью, в остальное время переход по этой дороге был сопряжен с невероятными трудностями. Вследствие этого караваны предпочитали следовать, в большинстве случаев, по Джетыконурской дороге.

Самой тяжелой частью Уванасской дороги считался участок безводной пустыни, расположенный между долиной р. Чу и Сорбулаком, имеющий протяжение около 180 км. Рельеф этой

мертвой пустыни представляет собой волнистую бесплодную равнину, лишенную всякого растительного покрова. Вода в колодцах Уванаса, Боры-тескена и Сорбулака была весьма соленая, и добывали ее с трудом на глубине 4-5 м. Кроме того, от Уванаса на север путь идет постоянно на подъем, пересекая обширные равнины и холмы. На этом пути сносный подножный корм и питьевую воду можно найти лишь после обширного солонца Сорбулака, в урочище Жиделы-кудук.

Примечательно, что пресная вода источника Жиделы, расположенного в северной части Бетпак-далы, притягивала людей еще в древности, об этом говорят древние стоянки вокруг источника и многочисленные остатки кремневых орудий эпохи бронзы.

От Жиделы-кудука на север ландшафт принимает уже другой характер, унылая, мрачно-серая картина Бетпак-далы постепенно меняется и ближе к просторам Центрального Казахстана становится живописной. Начиная с Мый-кайнара, караваны больше не нуждаются ни в воде, ни в подножном корме. Следуя каменистыми холмами и равнинами, дорога идет прямо на север, к горам Мунглы и Кулы. В средние века эти горы служили одним из прекраснейших и обширных яйлаков, а в более позднее время здесь были сосредоточены зимовки казахов-таминцев. Идя пологими холмами, дорога спускается в долину р.Атасу и затем, следуя через р.Талды-манак, подходит к р.Сары-су, где сходится с восточной дорогой.

Пройдя через р. Сары-су в районе Жана-арка, Уванасский караванный путь сразу раздваивался: одна ветвь шла прямо на север и северо-восток и, пересекая волнистые холмы и равнины гор Эскене и богатую долину р.Нура, подходила к броду Ишима - Кара-откель, расположенному в 5 км выше нынешней Акмолы. Далее этот путь следовал в северо-восточном направлении и, прорезая обширные равнины и степи Ишим-Иртышского междуречья, доходил до верховьев р.Силеты. Оттуда долиной этой реки обходил с северной стороны Силетинского озера и вступал в область древних кимаков, населявших низовья Иртыша. На этом древнем караванном пути были расположены некоторые земледельческие поселения и караван-сарай, сложенные из глины и кирпича, следы кото-

---

рых сохранились до наших дней в виде небольших развалин. В частности, их можно встретить в долинах рек Нура, Ишим и Силеты.

Другая ветвь Уванасской караванной дороги вела от реки Сары-су на север, к устью р.Нура, проходила рощей Кара-агач, затем берегом реки Кулан-утпес. Достигала древнего феодального замка Ботагай, расположенного в 40 км выше устья р.Нура.

От большой Уванасской дороги раньше отходило много побочных кочевых и караванных путей, которые вели к летним кочевьям отдельных племенных групп, кочевавших на огромном пространстве между долиной низовья р.Чу и оазисами бассейна р.Сары-су. Один из таких караванных путей начинался от Уванасской дороги на север, возле урочища Боры-тескен, а другой - у Сорбулака, и обе ветви, слившись в одну караванную дорогу в районе Сымтаса, направлялись к долине реки Коктас, где в средние века находились полуоседлые поселения жатаков. Дорога пролегла по центральной части Бетпак-далы, пересекая ряд волнистых холмов, равнин и солонцов и через урочища Сымтас, Балаконурдан, Коскудук вступала в долину р.Коктас, расположенную у северо-западной границы пустыни Бетпак-дала.

Окруженная со всех сторон безводной пустыней, долина р.Коктас с ее оазисами Карабидаик и Ольке играла большое значение в жизни скотоводов и служила одним из превосходных яйлаков, а также являлась местом оседания беднейшей части населения - жатаков. В средние века здесь существовали полуоседлые земледельческие поселения, снабженные целой оросительной системой, а в более позднее время в оазисах Коктас были сосредоточены казахские зимовки алчин и тама, которые в то же время имели свое основное местопребывание в низовьях р.Чу и в северных предгорьях Каратау. По своему выгодному местоположению и благоприятным природным условиям долина р.Коктас в прошлом притягивала к себе не только большую массу кочевых скотоводов, но и служила стоянками.

Из дальних караванных путей, прорезавших пустыню Бетпак-дала в меридиональном направлении, большой популярностью пользовалась особенно Жеты-конурская, или Кендырлыкская дорога, поддерживающая торговые связи между югом

и севером. Еще в конце прошлого века Герн отметил, что преимущественно этим, т.е. Жеты-конурским путем, следовали из Ташкента в Акмолинск караваны с товарами Средней Азии: шелковыми, полушелковыми и бумажными тканями, сушеными фруктами, коврами и т.д. [12].

На всем протяжении Джеты-конурской дороги, исключая маршрут от Чулак-эспе до Кендырлыка, караваны имели возможность найти сносную питьевую воду и подножный корм для животных, благодаря чему караваны предпочитали следовать этой дорогой.

Следуя от Сузака к р. Чу и переправившись через нее у брода Той-откель, Жеты-конурский караванный путь направлялся к северо-западу и, миновав холмистые вершины Асказаннын-соры, достигал оазиса Чулак-эспе. Это единственное место, где можно было сделать привал, найти источник хорошей грунтовой воды и подножный корм для караванных животных.

На Чулак-эспе караваны останавливались обычно сравнительно надолго с целью подкрепить уставших животных. Дальше маршрут от Чулак-эспе до Кендырлыка проходит по самой безводной части Бетпак-далы и имеет протяжение около 120 км. Казалось бы, это совсем небольшое пространство, которое можно пройти за несколько часов. Но бывало, что переход от Чулак-эспе до Кендырлыка оканчивался трагически.

Для того, чтобы благополучно пройти этот тяжелый маршрут, путешественники запасали необходимое количество воды в емких бурдюках и двигались обычно в удобное время суток, например, из Чулак-эспе выступали во второй половине дня (примерно около двух часов), применяя при этом казахский способ движения; с этой целью караваны или кочевые аулы продолжали путь более форсированным шагом и безостановочно до 10 часов, рассчитывая покрыть вечерним переходом значительную часть пути. Это так называемый удере журу, или удере кошу - переход через пустыню с небольшим привалом. После часового привала (от 10 до 11) караваны вновь трогались, рассчитывая достигнуть Кендырлыкских ключей ранним утром, по крайней мере, до начала дневного зноя. Весь этот маршрут от Чулак-эспе до Кендырлыка караваны могли покрыть за 18-20 часов, делая небольшой привал в центре пусты-

---

ни. Казахский способ безостановочного движения (ударе-журу) от одного оазиса до другого, безусловно, был наиболее верным при следовании через пустыню. Далее путь от одного оазиса до другого, безусловно, был наиболее верным при следовании через пустыню.

Затем путь от Кендырлыкских источников на Табан-кудук пролегал через пески Самена по обширной котловине вдоль восточного края высоких барханов и, не доходя до колодцев Табан-кудук, принимал северо-восточное направление. Затем путь проходил по обширной котловине и пески Саменных-кум - юго-восточное продолжение Жеты-конурских барханов. Извиваясь между этими барханами, дорога входила в равнину.

Оставив позади высокие барханы Самена, путь шел песчаной степью и на 45 километре достигал известного урочища Байбиче, где находился Бель-кудук. Здесь соединялись две дороги - караванная Саменовская и кочевая Уванасская.

На всем протяжении от барханов Самена до Бель-кудука дорога проходила вдоль восточной окраины Жеты-конурских песков, по наиболее удобным местностям, благоприятным в смысле подножного корма и питьевой воды (оазисы Барча-кум, Жиделы, Тобултылы).

От Бель-кудука путь лежал в северо-восточном направлении, перерезая обширную степь, затем, минуя урочища Возгак, Кызыл-эспе и Кум-жайляу, проходил в долину реки Сарысу, против урочища Тугускен, от Тугускена следовал долиной левого берега р. Сарысу, то приближаясь к самой реке, то отступая. Миновав древние мавзолеи Каип-ата и Жубан-ана, дорога переходила на правый берег р. Сарысу, выше мавзолея Жубан-ана*[13]. Затем, следуя плодородной равниной у подножия гор Толагай и обойдя рощу Кара-агач, дорога приводила к долине р. Кулан-утпес, оттуда правым берегом этой реки подступала к устью Нура, к древнему замку Ботагай.

Как можно видеть из этого краткого обзора, самую трудную часть караванных путей по Бетпак-дале представляли южные окраины этой пустыни, прилегающие к долине р. Чу. Топографический фон местностей характеризуется унылой картиной необитаемой пустыни. Переход по этому безводному пространству всегда был тяжелым, а порою опасным, о чем говорят мно-

---

гочисленные кости животных, павших во время перехода через пустыню. Наиболее трудную часть Бетпак-далы представлял, безусловно, маршрут от Чулак-эспе до Кендырлыка.

В наше время для человека, вооруженного техническими средствами и машинами, переезд через Бетпак-далу не представляет трудностей. Самые тяжелые маршруты от Чулак-эспе до Кендырлыка или от р.Чу до Сорбулака теперь можно проехать за несколько часов, конечно, имея нормально организованный транспорт и запас питьевой воды.

Один из караванных путей лежал от низовьев Сырдарьи, на север, в обширные степи Центрального Казахстана. Благодаря тому, что этот путь проходил вдоль реки Сары-су, он известен в народной памяти и в литературе под названием Сары-суйский. Этот путь и все караванные дороги с юга связывали сырдарьинские города с обширными яйлаками кыпчаков, расположенными в долинах р. Сары-су, Нура, Ишим и Тургай. Самой крайней точкой этого караванного пути на севере поселения кимаков, а в позднее время - города Западной Сибири.

Исходными пунктами на юге для Сары-суйского пути были города: Отрар, Сауран, Жанкент, Сыгнак. От Жанкента путь шел двумя ветками: одна прямо на северо-восток, к низовьям р.Сары-су, другая вдоль Сырдарьи до Сыгнака, где, слившись с караванной дорогой из Отрара и Саурана, направлялась также к низовьям рек Сары-су и Чу. Около Тели-куля эти ветки пересекали караванный путь. Шедший от Каратау и долины р.Талас до Южного Урала, соединившись в одну караванную дорогу в районе Белен-ана, Жанкентско-сыгнакский маршрут далее следовал вдоль левого берега р.Сары-су и, достигнув брода Тас-откель, переходил на ее правый берег.

Путь до Кара-жара проходил долиной правого берега р.Сары-су, по известным местам Ала-кушун, Жаман-курган, Талмас-ата. Многие из этих местностей известны еще с XIV в. благодаря описанию Шереф-Еддина Иезди, историка военных походов Тимура.

В 1391 г. по Сары-суйскому пути прошло войско Тимура в Улутау. Маршрут войска Тимура лежал от Аксумбе в Белен-ана**[14], по Уренг-чагильской дороге, т.е. от современного г.Туркестана к низовьям р.Сары-су через низовье р.Чу. Уренг-чагильская

дорога, по-видимому, соответствует современной Урда-чагийской дороге, начинающейся от Боры-тескена на север и ведущей в долину р.Коктас. В эту часть Бетпак-далы войско завоевателя могло попасть только во время охоты за дикими зверями. Иначе нельзя объяснить положение Низам-Еддина Шами и Иезди, когда они пишут:

“Вследствие продолжительного похода и малого количества воды лошади обессилели и истощились. В четверг первого жумади, т.е. 6 апреля 1391г., пришли в местность Сарыг-узен, где напоили животных” [15]. По рассказам Шами, этот маршрут очень дорого стоил Тимуру, так как “от безводья много лошадей погибло”, и к первому числу жумади (т.е. 6 апреля 1391 г.) он едва добрался до берегов р.Сары-су, где и “воды стало много” [16]. Перед вступлением в Улутау Тимур делает большую остановку на р.Сары-су, сначала в районе Белен-ана, затем у впадения р.Кенгир в Сары-су, у древнего населенного пункта Болган-ана, который ныне называется Кара-жаром. Оттуда он посылает свое войско к верховьям р.Сарысу, на Бурибаши*** и на Енкей-туру, чтобы подчинить себе непокорные племена Центрального Казахстана [17]. Маршрут следования войск Тимура совпадал с маршрутом пути от низовьев Сыр-Дарьи в Улутаускую степь.

У Кара-жары (древний Болган-ана) Сары-суйский путь раздваивался: один шел вверх по реке Сары-су через урочища Сымтас, Тугускен, далее, следуя горной долиной Конек и степью, севернее Кара-агача, доходил до низовьев р.Нура; другой путь от Кара-жара направлялся на север, к верховьям р.Кенгир.

Следуя обширными Улутаускими, Арганатинскими степями, долиной р.Кара-кенгир и Терс-аккан, этот путь у Жаркайнга подходил к берегам р.Ишим, где проходил другой большой караванный путь в Южный Урал.

Этот последний караванный путь, пролежавший от р.Ишим в Южный Урал, был хорошо известен в XVIII в. по данным русских источников. Рычков, впервые изучавший историко-топографическое положение долины р.Ишим, пишет: “В небольшом расстоянии от сего места (т.е. древних развалин на р. Ишим) находилась караванная дорога, идущая из Бухарии и Хивы в Троицкую крепость” [18].

Сары-суйский караванный путь далее проходил по нижнему течению р.Ишим, затем через северные степи и вступал в долину низовьев Тобола и Иртыша.

Не менее важный караванный путь пролегал также “от низовьев Сырдарьи в Южный Урал, в землю болгар и древней Руси, который пересекал обширные Тургайские степи в северо-западном направлении. По этому пути в 1253 г. проезжал Рубрук, следовавший от Волги на восток через верховье р.Яик, низовье р.Сары-су, Сузак, Кумкент и илийские города. В средние века - это был важнейший караванный путь, связывавший Центральную Россию с Казахстаном и Средней Азией. По этому пути шли караваны с русскими и среднеазиатскими товарами и по нему же ходили посланники российского государства в Казахское ханство, имевшее свои резиденции в Сыгнаке и в Туркестане.

В 1694 г. из Тобольска в Туркестан к хану Тауке были отправлены посланцы Скибин и Трошин, прошедшие путь по Южно-Уральской дороге [19]. А спустя 40 лет, т.е. в 1737 г., из Орска в низовье р.Сырдарья были направлены офицер Гладышев и геодезист Муравин для укрепления связи с ханством Абулхайра [20].

Все эти караванные пути, прорезавшие Бетпак-далу в ее разных концах, когда-то оживляли эту пустыню и связывали южные города с северными областями [21]. Характерно, что в центральной части Бетпак-далы “нет ни караванных путей, ни троп” в широтном направлении, т.е. с запада на восток. Это отмечено еще Шмидтом в конце прошлого века [22].

Мы дали краткий обзор караванных путей, некогда проходивших через Казахские степи. Узловые пункты, где сходились караванные дороги, были на юге: предгорье Каратау, низовья р. Чу и Сары-су. В Центральном Казахстане узловыми пунктами служил район верховья Сары-су, с обширными долинами бора Кара-агач, горы Толагай и Экскене [23], низовье р.Нуры, долины среднего течения р. Ишим и Кенгир и предгорье Улугтау.

В Тургайской степи караванные пути сходились часто у р. Убаган (Кушмурун), в верховьях р.Тобол, в долине р.Уй, где в XV-XVI вв. находились зимовки и поселения ногайцев [24].

Как об исторических памятных местах о них можно судить по следам оросительных каналов, по развалинам и крупным архитектурным сооружениям, дошедшим до наших дней [25].

Литература

1. Плотников В.Н. Поминки (ас). Этнографический очерк из быта зауральских киргизов. Записки Оренбургского отдела Русского географического общества. 1870, вып. 1.
2. Материалы по киргизскому землепользованию района р.Чу. Ташкент, 1915. С.52.
3. Бартольд. Киргизы (исторический очерк). Фрунзе, 1927. С.20.
4. Г.Катанаев. Еще об Ермаке. Записки Западно-Сибирского отд. ГО, кн. XV, вып. 2. С.34-35.
5. А.Чермак. Оседлые киргизы - земледельцы на р.Чу. Записки Западно-Сибирского отд., кн. XXVII, 1900. С.2, 5.
6. Ю.Шмидт. Очерки Киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела, в Акм. обл. Западно-Сибирского отд., кн. XVII, вып. 2. Омск, 1894. С.71-72.
7. Ю.Шмидт. Указ. соч. С. 71-72.
8. Записки о Кокандском ханстве хорунжего Потанина (1830), с примечаниями Савельева. Вестник Русского географического общества, 1856. С. 257; акад. В.В. Бартольд. История изучения Востока в Европе и России. Изд. 2-е, 1925. С.260.
9. Ю.Шмидт. Указ. соч. С.77.
10. Там же.
11. Там же.
12. Проф. Миллер. История Сибири, т.1. М. - Л., 1937. С. 190, 232, 233, 476.
13. Герн. Поездка по р.Чу к ее устью. Записки Западно-Сибирского отд. ГО, кн. X, Омск, 1889. С.9.
14. В.Г.Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т.II. С.112, 158.
15. Там же. С.160.
16. Там же. С.113.
17. В.Г.Тизенгаузен. Указ. соч. С.112, 158.
18. Древние записки путешествия капитана Н.Рычкова в Киргиз-Кайсацкие степи. СПб, изд. Академии наук, 1772. С.81.
19. Дополнение к актам историческим. Изд. Археогр. комиссии, т.X. С.375.
20. Дневник Гладышева и Муравина в Геогр. известиях. Изд. Русским географическим обществом, 1850. С.519-599.

---

21. О путях, ведущих из Западной Сибири в Туркестанскую область. Известия Геогр. общества, т. III, 1866; Ю. Шмидт. Указ. соч. С. 128-149; Герн. Указ. соч. С. 7-22; Л. Чермак. Указ. соч. С. 24; Материалы по киргизскому землепользованию района р. Чу. С. 52.

22. Ю. Шмидт. Указ. соч. С. 178.

23. Ю. Шмидт. Очерк Киргизской степи. С. 78; В. К. Герн. Поездка на р. Чу. С. 11.

24. Проф. Миллер. История Сибири, т. II, М. - Л., 1939. С. 179.

25. Т. Басенов. Архитектурные памятники в районе Сам. Алма-Ата, 1947. С. 9; А. Х. Маргулан. Архитектурные памятники в долине р. Кенгир. Вестник Академии наук КазССР, 1947, N 7.

* Другой брод находится на р. Сары-су, возле мавзолея Каип-Ата, ветви сходились на Кара-Агаче. У скалы Аулие-тас.

** У Иезди и Шами просто "Белен", неправильно транскрибированный у Тизенгаузена в "Билан".

*** Местечко Бурш-Башы находится на р. Сары-су, ниже ст. Кызыл-жар.

О ЗНАЧЕНИИ ЭПИГРАФИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КАЗАХСТАНА

Достопримечательным наследием казахского народа являются эпиграфические памятники, воздвигнутые вблизи старинных городов и аульных поселений (кы-стак, кыстау).

В средние века наиболее населенными были берега Сырдарьи, одной из величайших рек Средней Азии. Наряду с Амударьей, она была средоточием городской культуры в Южном Казахстане. С раннего и до позднего средневековья в бассейне Сырдарьи процветала городская культура, связанная с жизнью и бытом древних племен огузов, кыпчаков, канглов, карлуков и описанная арабскими географами IX-X вв. и европейскими путешественниками VI (Земарх) и XIII-XIV вв.

Важнейшими среди городов были знаменитые Жанкент (Янгикент), Женд, Барчынкент, Сыгнак, Сауран, Туркестан (Яса), Отрар, Артук-Ата, Сюткент, Сайрам и др. К сожалению, многие из них погибли в период монгольского завоевания, во время феодальных войн XVI в. и, наконец, в период нашествия джунгаров (XVIII в.). Из средневековых городов сохранились лишь немногие. К ним относятся Ташкент, Шымкент, Сайрам, Туркестан, Карнак, Сузак. Возродить некоторые мертвые города Сырдарьи имели желание Абулхаир, Абильмамбет и Аблай. Из попытки отражены в отчетах русских офицеров. Особенно энергично поднял вопрос о восстановлении древней столицы огузов Жанкента на Сырдарье, около Казалинска, хан Абулхаир. Он хотел сделать ее своей резиденцией и с этой целью обратился к русскому правительству с просьбой оказать ему содействие - прислать инженеров-геодезистов для осмотра руин Жанкента. Но в связи с кончиной хана (1748 г.) его идея о восстановлении Жанкента так и осталась нереализованной.

Правда, позже султан Арынгазы построил здесь сарай (дворец), но восстановить город ему не удалось [1].

Надписи на надгробных памятниках, относящихся к VII-XII и XIII-XVII вв., свидетельствуют о том, что основные группы казахских племен были сосредоточены на Сырдарье. Значение сырдарьинских городов для казахов было велико. В период Ак-Орды (XII-XIV вв.) и Казахского ханства (XV-XVII вв.) казахи жили в городах, расположенных вдоль Средней и Нижней Сырдарьи. Старший жуз (Улу жуз) занимал земли от Средней Сырдарьи до Семиречья и Джунгарского Алатау. Он обосновался в ташкентском оазисе, там жили племена сиргели, ошакты, ысты, катаганы (шанышкылы) и др. Около Ташкента сохранился городок, носящий племенное название Сиргели. Одно из племен Старшего жуза (жалаиры) было сосредоточено в долине реки Чирчик и в г.Ходженте, племя канглы - в долине среднего течения Сырдарьи (от Отрара до Бенакета). От Каратау до Кызылорды были расселены племена Среднего жуза (Орта жуз) - конграты, аргыны, кыпчаки, найманы, таракты и др.

Земли от Кызылорды до Каспийского моря занимали племена Младшего жуза (Киши жуз). Выяснить историю расселения казахских племен по Сырдарье в XV-XVIII вв. позволит исследование остатков их средневековых поселений и надписей на надгробных памятниках предкам. Вопреки неточным представлениям некоторых авторов, казахи были, как пишет А.Красовский, прекрасными земледельцами [2], о чем говорят дошедшие до наших дней возведенные ими обширные ирригационные сооружения, сети оросительных каналов, расположенные в бассейне рек Сырдарьи, Таласа, Чу, Сарысу, Токрауна, Нуры, Ишима, Тургая, Кенгира, Эмбы, Илека, Яика, Иртыша и др. В средние века земледелие у казахов имело большое значение; так, у них были профессиональные земледельцы - егинши, хорошо знавшие технику посева злаков, умевшие выбирать семена, проводить оросительные каналы (арык, тоган) и их обводнение [3]. Казахи пахали землю после увлажнения ее через оросительную сеть, когда земля становилась мягкой, удобной для пахоты. Для обработки земли использовали многочисленные сельскохозяйственные орудия (с некоторыми из них можно познакомиться в этнографических музеях). Значение средневековой

Сырдарьи, как политического и культурного центра казахского общества, было огромно. Там была сосредоточена значительная группа городов и сельскохозяйственных поселений, описанных историком начала XVI в. Ф.Рузбиханом. Он писал: “Из пределов Кыпчакской степи через два месяца прибывают казахи на зимние стойбища (кыстак). Местом их зимовья является побережье реки Сейхун, которую называют Сыр. Зимовья (кыстак) расположены на протяжении трехсот фарсахов, по всему берегу Сейхуна, на котором они оседают. Полновластный султан устраивается в “старинной юрте”, т.е. в одном из старинных городов Сырдарьи [4].

Помимо письменных и устных преданий, отдельные эпизоды древней истории казахов можно восстановить по большой серии надгробных надписей. Исследователями обнаружены огромные каменные стены с родословными таблицами, тамгами, биографическими сведениями об умерших. Все эти эпиграфические памятники отличаются своеобразием архитектурного решения.

Надписи на самых древних памятниках исполнены орхонским письмом (находки в горах Асы, Каратау, Бесбатыр Актогайского района), древнеуйгурским алфавитом (мавзолей Жубан-Ана, Ботагай на реке Нуре), арабским письмом (мавзолей Бабаши хатун, Айша биби, Болган-Ана, Кок кесене, Улуг билги в Таласе - 1262 г., Сунак-ата в Женде - 1273 г.) [5].

Сравнительный анализ показывает, что на территории Казахстана сохранились эпиграфические памятники трех этапов; самые ранние из них относятся к периоду Тюркского каганата (VI-VIII вв.), второго этапа - ко времени кыпчаков, огузов и канглов (IX-XII вв.), третьего - ко времени кыпчаков-казахов (XIII-XIX вв.). К сожалению, не все эти памятники еще изучены.

Многолетние исследования свидетельствуют о том, что наиболее интересные памятники находятся в районе Средней и Нижней Сырдарьи, на противоположных склонах Каратау, в долинах Таласа, Чу, Или, в Центральном Казахстане, на Мангышлаке, в бассейне рек Эмбы, Сагиза, Илека, Хобды, Жайка. Наибольший интерес представляют уникальные эпиграфические памятники, находящиеся в бассейне р.Сарысу, в Улутауской степи, на Тургае.

На казахском языке такие памятники носят название “Көк тас” (Синий камень), или “Құлпы тас” (Серый камень). Их воздвигали один за другим в течение многих веков, и надписи на многих из них очень выразительны и содержательны. Они говорят о тяге казахов к знанию, о нравственных критериях казахского народа.

К сожалению, некоторые ученые не знают о существовании на казахском языке печатной литературы, изданной в гг. Ташкенте, Казани, Уфе, Семипалатинске и Петербурге, о многочисленных казахских рукописях, частично описанных Н.И. Веселовским [6], В.В.Вельяминовым-Зерновым [7], В.В.Радловым [8], А.А.Диваевым [9]. Громадное количество (свыше ста названий) дореволюционных казахских рукописей ныне хранится в библиотеке Казанского университета, в архиве Г.Н.Потанина в библиотеке Томского университета, в рукописном фонде библиотеки Института востоковедения АН СССР и во многих библиотеках и архивах. Количество обнаруженных мною дореволюционных рукописей в разных хранилищах составляет не менее 800 названий. Самая древнейшая из них относится к XVI в. (“Насаб намеи казак”). Поэтому выводы некоторых ученых, что казахи бесписьменный “младописьменный” народ, глубоко противоречат фактическим данным. Первое послание на казахском языке, написанное ханом Тауекелем, было направлено русскому царю Федору Иоановичу в конце XVI в.

На надгробных памятниках резчики вырезали краткую биографию умершего, его родословную до седьмого колена, тамги и др. Изучение этих памятников дает сведения о жизни целого племени на протяжении ряда столетий. Исследовано много древних некрополей с племенными названиями VI-VIII вв. (Домбауыл, Карадын, Козы-Корпеш). К замечательным надгробным памятникам относятся некрополи, расположенные в черте городов вдоль Сырдарьи, в окрестностях Сыгнака, Саурана, Отрара, Туркестана, Сайрама; много эпитафических памятников на территории Северного Каратау, в окрестностях древних городов Кумкента (некрополь Тукты-ата или Баба-тукты) с остатками древнего сада и родника, некрополи Баба-ата, Сузака, Культобе и др. Древнейшие эпитафические памятники

ки находятся в долинах Сары-Агача, Арыса, Чаяна, Каратала и др. В надписях сырдарьинских и каратауских каменных стен отражена история огузов, кыпчаков, аргынов, алчинов, конгратов и др.

Очень интересны памятники казахских племен Старшего жуза, находящиеся в ташкентском оазисе, на Чирчике, в горах Казыгурт. Некоторые из них описывают эпизоды из жизни казахских биев, работавших в г. Ташкенте (Калдыргач би, сыновья Ак-Назара, Турсын хан, Толе би и др.). Основная масса эпиграфических памятников племен Старшего жуза сосредоточена в районе от Шымкента и Казыгурта до Таласа и Джунгарского Алатау. Они встречаются и в Таласском Алатау, долинах Таласа [10], Чу, Или, Коксу и Каратала.

Эпиграфические памятники казахов Младшего жуза с большой массой кулпытасов сохранились в низовьях Сырдарьи, вокруг Аральского моря, на Мангышлаке, в бассейне рек Эмбы, Сагиза, Уила, Хобды, Илека, Яика и Нарына. Надписи на некоторых памятниках свидетельствуют о том, что они относятся еще ко времени огузов и кыпчаков (VIII-X вв.). Поздние памятники Мангышлака принадлежат, в основном, адайцам.

Большое историческое значение имеют эпиграфические памятники Центрального Казахстана и Тургайской степи. Самые ранние из них - древние курганы саков (скифов), каменные изваяния гуннов и тюрков (VI в.), каменные изваяния кыпчаков (VIII-XIV вв.). При раскопке разрушенных мавзолеев на реке Кенгир были обнаружены обожженные кирпичи и плиты с тамгами огузов, кыпчаков, канглов, аргынов, алчинов, конгратов и др. Содержание отдельных памятников охватывает значительный отрезок времени, в них описывается история ряда поколений. Особенно интересны некрополь Дын-Сай с памятником из глинистых сланцев (VI-VIII вв.), Аяк-камыр, Тамгалы-тас, Баксы-мола и др. [11]. Памятники казахских племен сохранились на Алтае, в бассейне Иртыша, в горах Дегелен, Абралы, Саура, Тарбагатая, Калбы, Чингизском хребте и в северной части Джунгарского Алатау. Это древние места обитания аргынов, найманов, кереев и уаков. По надписям, оставленным ими на богато оформленных надгробных памятниках, можно узнать об их жизни [12].

Хорошо известно, что во время войны с Чингизханом значительная часть найманов была вытеснена с Иртыша в Центральный Казахстан, огромная масса кереев ушла вниз по Иртышу до Тобола, потомки которых ныне живут в Омской, Северо-Казахстанской, Костанайской и Кокшетавской областях.

До Чингизхана Чингизский хребет назывался Найман-тау (Абулгазы-Найман Кух). Один из горных массивов Восточно-Каркаралинской системы до сих пор носит название Найман-кашкан, что связано с бегством найманов от преследований Чингизхана. Здесь в горных системах и долинах Иртыша обитали остатки племени бура найманов, в древности этнически связанные с ягмаутами (ягма) и карлуками, которых казахи называют казылык. Одна система Восточно-Каркаралинского хребта называется Казылык-тау - горы Казылыков. Несомненно, что буранайманы по происхождению были из ягмаутов (ягма), карлуков. И вполне естественно, что племенной титул Бура (ангон) стал титулом Караханидского государства. Рядом с системой горы Найман-кашкан находится другой хребет Енгрекей (Место рыдания), который назван так в память о событиях, происшедших в начале XIII в. в связи с походом Чингизхана.

Особое значение представляет каменная надпись на казахском языке на скале Тамгалы-тас, на левом берегу Нижнего Сарысу (против остатков древнейших резиденций Алатеге и Белен-ана). В надписи сообщается об историческом событии, о важном синклите, о провозглашении на нем особого народа под древним именем казак (XV в.). Это историческое место прославлено в преданиях и в поэзии, и оно называется “қазақтың ұран шақырып, қазақ болған жері” - место провозглашения этнонима “казак”.

На плоской песчаной скале древней террасы р. Сарысу сохранилось множество древних родовых тамг и надписей на кыпчакско-казахском языке, написанных арабским письмом. Среди них тамги огузов, кыпчаков, канглы, аргынов и др. Их впервые осмотрел путешественник А.И.Шренк, записавший большую серию тамг (Архив АН СССР), затем их изучали А.Кузнецов, К.И.Сатпаев, В.А.Селевин и автор этих строк. Среди надписей есть имена ханов Ак-Орды Урус хана, Куйырчика, Барака и многих других.

Наибольший интерес представляет одна плоская плита с надписью на казахском языке о воссоединении казахских племен в один народ. Т.е “кыпчаки, найманы, алчины, аргыны (каракесек), уйсыны (куйсын) и табыны! О дай благоденствие этим шестерым!” Против названия каждого племени представлены их родовые тамги. Надпись впервые скопирована толмачом Атбасарского уездного начальника Х.Бекхожиным, военным врачом г. Акмолинска А.И.Кузнецовым [13]. В нем упомянуты все главнейшие племена трех жузов от Старшего - уйсуну (дулаты и канглы в то время находились в государстве тимуридов), Младшего - алчын с сильным племенем табын (остальные племена Младшего жуза находились еще в Западном Кыпчаке), Среднего - аргыны с сильнейшей фратрией каракесек, служившей основным войском улуса Ак-Орды при потомках Урус хана, племена кыпчаков, найманов и кереев.

“Шесть племен” - это традиционное название союза “алты-алаш”, известного еще в домонгольский период. В Енисейской надписи “Уюк Тарлак” глава племени Елтуган тутук говорит, что он был “правителем у шестисоставного народа”. Теснимые восточными соседями племени после Тюркского каганата составили сильный союз под названием “Алаш”, куда входили кыпчаки, огузы, канглы, уйсуну, жалаиры и союз карлуков. По словам Кадыргали Жалаири, в конце XII - начале XIII вв. главенствующую роль в этом союзе играли канглы и жалаиры. Алты-Алаш - новая группа конфедерации десяти племен Западно-Тюркского каганата. Сюда не вошли некоторые племена, обитавшие на востоке и юго-востоке Западно-Тюркского каганата.

Камень “Тамгалы-Тас” с надписью находится недалеко от развалин средневековых резиденций ханов на р. Сары су, известных под именем Белен-Ана, Ала-таги (теперь Ала-теге), название, вероятно, связано с историей жизни хана Ала (пегий), или Алаш-хана [14] и мавзолеем Талмас-Ата [15]. Другая летняя резиденция хана-таги находится у северного подножия горы Каратау.

Трудно переоценить значение эпиграфических памятников, разбросанных по территории Казахстана, являющихся первоисточниками по истории племен и составляющих культурное наследие народа.

Литература

1. Рычков П. Типография Оренбургская. Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. СПб., 1762, ч.1. С. 226-260; Ханыков В.Я. Поездка из Орска в Хиву и обратно, совершенная в 1740-1741 гг. поручиком Гладышевым и геодезистом Муравиным. СПб., 1850. С.551-552.
2. Красовский А. Бассейн реки Сарысу (рук. ЦГВИА, ф. ВУА, оп. XIII, д.3).
3. Есаул Швабский. О семенах и посеве тургайской пшеницы и проса конак, акбикеш и конур-чулак. // Земледельческий журнал. 1832, N 5; Сотник Шахматов. Замечания о хлебопашестве киргиз-кайсаков Средней Орды // Земледельческий журнал, 1832, N 8; Сейдалин Т.О. О развитии хлебопашества по бассейну Тургая. Записки отдела РГО. Оренбург, 1870, вып.1; Дильгельштедт Н. Опыт изучения ирригации Туркестанского края. Сырдарьинская обл. I, СПб., 1893; II, 1897; Шмидт Ю. Очерк Киргизской степи // Записки Зап. - Сиб. отдела РГО, 1894, XVII, вып.2.
4. Рузбихан Ф. Записки бухарского гостя. М., 1976. С.94.
5. Бартольд В.В. Сочинения. Т.IV. С.307; т.V. С.151.
6. Рукописи акына-ходжи Халибая и др. (Веселовский Н.И. Киргизский рассказ. Текст, перевод и приложения. СПб., 1894).
7. Семенов А.А. Восточные рукописи в архиве В.В.Вельяминова-Зернова.
8. Казахские рукописи "Чингиз-наме", "Хакият-Манзума", собранные В.В.Радловым. Институт востоковедения АН СССР. Архив академика Радлова.
9. Рукописи "Алангасыр Алып", "Исмаил-Ата", Кубея Токбулатова "Ташкент қаласының шығуы туралы аңыз", "Қырғыздардың қалай шыққан шежіресі", "Өзбектердің шежіресі", рукописи сырдарьинских казахов Сеида Абдрахманова и Мангула, собранные А.А.Диваевым // Туркестанские ведомости, 1899, N 96; 1900, N 88, 91, 97, 98.
10. Ремпель Л.И. Некрополь древнего Тараза. КСИИМК, вып. 69, 1957. С.102-110.
11. Шренк А.И. Дневник путешествий 1842 г. Архив АН СССР, фонд.
12. Влангали А. Геоностические поездки по восточной части Киргизской степи в 1849 и в 1851 гг. СПб., 1853, ч.1.
13. Кузнецов А. О надписи на камне Тамгалы-тас в пустыне Бетпак-дала Атбасарского уезда Акмолинской области // Записки Семипалатинского отдела Географического общества. Вып. XVI, 1927; Селевин В. Результаты Бетпак-далинской экспедиции САГУ. Ташкент, 1931. С.30.
14. Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях, ч.II. С. 251.
15. Там же, ч.II. С.155, 281.

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ПЛЕМЕНИ КАНГЛЫ

История происхождения племени канглы восходит к изобретению повозки “канк”, о которой существует целый ряд легенд и исторических преданий. По Абулгази, повозка появляется в эпоху Огуз хана до образования Тюркского каганата. Он пишет: “Во времена Огуз хана жил один превосходный мастер. По своему умению он изобрел колесницу (арбу). Подражая ему, другие также производили арбу для вьюка. Арбу называли канк (канка). Того, кто возводил арбу, именовали канкалы и все канкалийцы (канглы) - его потомки [1].

Термин “канка” встречается в древнейших источниках. Так, канка упоминается в Зенд-Авесте. “Канк” генетически связан с названием племени “канглы”, древнейшим центром которого был город Канка или Кангка, развалины которого до сих пор сохраняются в нижнем течении р.Ангрена. По иранским источникам, страна эта находилась в среднем течении р.Сырдарьи.

Из исторических источников следует, что повозка “канк” (“кангка”) была принадлежностью и средством передвижения исключительно представителей знати [2]. Государи имели даже повозки из золота (алтун кангка) [3]. Поэтому повозка была предметом недостижимым, предметом фетиша, слово “канк” (“кангка”) было синонимом недостижимости, а человек в повозке имел исключительно высокое общественное положение. Такого человека называли “канк” (“канглы”), что аналогично слову “торе”, обозначающему благородного человека, всегда занимающего почетное место - тор. У Махмуда Кашгарского сказано: “Канглы у кайсаков - наименование почетного лица” [4].

Естественно, что исторических преданий о повозке “канк”, больше всех сохранилось у племени канглы, местом пребывания которого в наше время являются районы Келесской степи и предгорья Таласского Алатау. В преданиях неизменно подчер-

---

кивается привилегированное положение племени канглы по отношению к другим племенам: “Қаңғлы елінде қан бар, кәделі елде қаңғлы бар”, что переводится “Без канглы не бывает благородных народов”. Другая поговорка гласит: “Қан жоқ болса - қаңғлыдан қан көтер” - “Когда нет хана, избирай его из канглы”. Высокое общественное положение представителей племени канглы подчеркивается следующими словами: “Канглы всегда говорят, что ездили вместе с ханом на одной повозке” [5].

В казахских преданиях также сохранились древние названия “кангка”, “кангкай”, в которых сохраняется то же значение — “высокий”, “высоко стоящий”. В казахском языке “кангки” название рода, входящего в племя канглы, родословная которого делится на ветви “Кара-Кангки” и “Сары-Кангки”.

Родовое название “кангка” встречается в Авесте, индусском эпосе Махабхарата и в Шах-Намэ (кангдиз), в китайских источниках (кангюй).

Иакинф ссылается на древние китайские источники, доказывая тождество древних кангюйцев с канглы и кангюй. Он писал: “Владение кангюй занимало степи от Сырдарьи к северу, на которых ныне кочуют Большая и Средняя казачьи орды. Надобно полагать, что казачьи поколения, ныне известные в России под названием киргиз-кайсаков, недавно приняли народное название казак, потому что половцы, бывшие в Шарордо в 1246 г., еще называли их кангитами” [6]. Другой крупный исследователь древней истории Средней Азии иностранцев писал, что “кангюй - теперь Киргизские степи” [7].

Кочевое общество Кангюй простиралось от Сырдарьи на север и на северо-запад до степей Центрального Казахстана и Тургайской равнины, которые были для них яйлаком, поскольку район Сырдарьи и побережье Аральского моря, с его скудной, выгоревшей травой и ядовитыми насекомыми, не могло обеспечить пищей скот, для этого нужна была открытая степь с обильной травой и более умеренным прохладным климатом. Переселение кангюйцев в степи Центрального Казахстана на летний период, а на зиму - в южные районы было связано с суровыми зимами в Центральном Казахстане. Так, в I в. до нашей эры “на пути в страну Кангюй Ужи-Уким, по причине сильных морозов, потерял много людей. До Кангюя дошло 3000

человек” [8]. Из китайских источников в год переселения гуннов в страну Юебань и Кангюй они испытали страшный джуг, голод. В южных районах с теплым климатом природа милостива к человеку. Поэтому кочевые племена еще со времени кангюй установили меридиональный кочевой путь, проводя зиму в южных районах, а лето - в степях Центрального Казахстана, где обширные, богатые травой степи долины р. Сары-су, Ишим и Нура представляли великолепный яйлак для скота.

Вопрос о генетической связи кангюй с племенем канглы освещался в классических трудах Аристова [9], акад. Бартольда [10], Бронникова [11], Голубовского [12]. Профессор С.П. Толстов также склонен отождествлять “кангка” с поздним “канглы”. Он пишет “Имя Кангка, наконец, сохранилось в средние века в именах соседних с Хорезмом кочевых племен - канглы на севере и на северо-востоке (нижняя Сырдарья - Волга) и печенеги - кангар - на северо-западе от Хорезма (Устюрт)” [13]. Бесспорно, имя “Канглы” является поздним переформлением тюркским суффиксом более древнего “Кангар” и, как и последний, обозначает “люди Кангки” [14]. В. Григорьев не только проводит аналогию канглы с древним кангюй, но идет дальше, стараясь увязать их с саками. “Во втором веке до нашей эры, - пишет он, - одним из крупных ответвлений саков были, очевидно, канглы, или кангюй китайских источников. Долина р. Чирчик, Ангрена, Келеса до наших дней заселена казахским родом канглы” [15].

Ведущую форму хозяйства кангюйцев составляло кочевое скотоводство; однако, как показывают археологические данные, они хорошо знали и оседлость, и часть их, несомненно, занималась земледелием, выращивая зерновые культуры, имевшие подсобный характер. В жизни кочевников-кангюйцев большое значение имели открытые степи с обильными пастбищами и водопоями, как необходимая база для скотоводства. Локализация кангюйцев в районах среднего и нижнего течения Сырдарьи и в степях, лежащих на север и северо-восток, согласуется с китайскими источниками: “Кангюй лежит почти в 200 ли (от авт.: китайский ли составляет около 0,5 км) от Давани на северо-запад. Это кочевое владение, в обыкновениях совершенно сходствует с юечжисцами” [16]. В русской литературе

уже давно установлено, что под юечжи Давань имеется в виду область, соответствующая современной Фергане, лишь передаваемая в древнекитайском названии. Относительно Юечжи в китайской летописи говорится, что оно “лежит почти в 3000 ли от Давани на запад, от реки Гуй-Шуй на север. От него на юг лежит Дахя, на запад - Аньси, на север - Кангюй, также кочевое владение. Следуя за скотом, перекочевывают с места на место. В обыкновениях сходствуют с хуннами” [17]. Как известно, юечжи раньше жили в районе Ганьсу и Восточного Туркестана, но были вытеснены хуннами, и после военного поражения переселились в бассейн Амударьи, где основали город “по правую сторону Гуй-Туа”, т.е. на правом берегу Амударьи [18]. Во II в. до н.э. область Юечжи доходила до юго-восточных берегов Аральского моря. “Здесь очень ясно, - пишет Иакинф, - что юечжийский хан жил в Хиве и владел пространством степей, лежащих между Амударьей, Сырдарьей и Коканом” [19].

На север от Юечжи и Ферганы лежала территория племени кангюй, локализуя берега Сырдарьи и Каратау. Более существенны в этом данные Чжань-Узаня, который определяет: “От Давани на север лежит Кангюй, на запад - большой Юечжи, на юго-запад - Дахя, на северо-восток - Усунь” [20]. Причем усунь жили смежно, соприкасаясь на востоке с хуннами, на северо-западе - с Кангюем, на западе - с Даванью” [21]. Эти географические данные служили основой для наших отечественных ученых локализовать местоположение племени кангюй областью, простиравшей от бассейна р.Талас до низовьев р.Сырдарьи. Академик Бартольд говорил, что р.Талас служила естественной границей между Усунью и Кангюй [22]. Локальные черты этих двух племенных культур устанавливаются археологическими материалами, открытыми в долинах р. Чу и Талас, а для кангюй - в предгорьях Каратау, бассейне Сырдарьи, Ангрена, Чирчика и Арым. Несомненно, что, подобно поздним канглы и кыпчакам, кангюйцы времен Чжан-Узеня (начало новой эры) кочевали между Сырдарьей и степью Центрального Казахстана, при этом имея свои поселения (кишлаки) на юге, расположенные в долине Сырдарьи и предгорьях Каратау, и проводя лето в более северных областях, обеспечивших нагул

скота в летний сезон. Об этом известны указания китайских летописей, где говорится, что “кангюйский владетель пребывание несет в стране Лоюени в г.Битянь. От Лоюени семь дней пути до летнего владетелева местопребывания” [23]. Здесь, несомненно, имеется в виду меридиональная кочевка между югом и севером, и радиус кочевания в семь дней напоминает кочевку поздних казахов от нижнего течения Сырдарьи до бассейна р.Сары-су. Однако, по академику Бартольду, резиденция кангюйцев (Битянь) находилась в среднем течении Сырдарьи, в 2000 ли от главного города древней Ферганы [24].

Вполне очевидно, что кочевки кангюйцев в летнее время простирались до пределов Улутау, и любопытно название страны Лоюени, в котором некоторые авторы, в т.ч. и А.Н.Бернштам, хотят видеть в “Улуг-ене” (великая мать), вероятно, одно из древних названий Сырдарьи. Древние источники свидетельствуют, что кангюйцы были аборигенами в этом месте неизменно на протяжении многих веков. Только в эпоху передвижения гуннов на запад часть кангюйцев была подчинена юечжийцам, часть - хуннам, и они исчезают из исторических хроник. Но после распада Гуннской кочевой империи в VI-VII вв. н.э. они вновь появляются в китайских хрониках уже под названием Кан, или Канг, что, безусловно, те же Кангюй, с присутствием им кочевыми чертами и патриархально-рабовладельческим укладом. “Канский владетель, - читаем мы в китайских летописях, - есть потомок кангюйского дома. Переходя с места на место, он не имеет привязанности к оседлой жизни. Со времени династии Хань преемство престола не пресекалось”. Это указание китайской летописи заслуживает внимания в том отношении, что оно подытоживает почти тысячелетнюю историю Кангюй - Кан, начиная со II в. до н.э. и кончая VII в. н.э.

Литература

1. Абулгази. Изд. 1871. С.18.
2. Рабгузи. Казань, 1899. С.161; В.В.Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II, вып. I, 1895. С.84.
3. Рабгузи. Казань. 1899.
4. Махмуд Кашгарский. Ташкент, 1961. Т. I. С.280.
5. Казангап акын. Песня об Есиме.
6. Иакинф. Собр. свед. Ч. III. С. 8-9.
7. Иностранцев К. Хунны и гунны. Л., 1926. С.97.
8. Иакинф. Указ. соч., ч. I. С.80, ч. III. С.163.
9. Аристов Н.А. Опыт выявления этнического состава кирш-казахов и кара-киргиз. Живая старина. III - IV, СПб., 1894.
10. Акад. Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. Зап.-Вост. отд., т. VIII, в. 1/2. С.27.
11. Бронников Н.А. Кангюй, канглы, или кан и юечжи. Зап.-Москов. арх. ин-та, XXXV. М., 1914.
12. Голубовский П. Об узак и торках. Жур. МИП. 1884. С.19-20.
13. Толстов С.П. Древний Хорезм. М., 1948. С.23.
14. Там же. С.24.
15. Григорьев В.Г. Келесская степь в археол. отношении. Изд. АН КазССР. 1948. С.59.
16. Иакинф. Собр. сведений. Ч. III. С.6.
17. Там же.
18. Там же. С.54.
19. Там же. С.9.
20. Там же. С.5.
21. Там же. С.64.
22. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Память кн. Семир. обл. 1898, вып. 2.
23. Иакинф. Указ. соч., ч. III. С.56.
24. Бартольд В.В. Очерк истории Семиречья. Память кн. Семир. обл. 1898, вып. 2.

КАЗАХСКАЯ ЮРТА И ЕЕ УБРАНСТВО

Юрта - один из древнейших типов жилища, приспособленный к кочевому образу жизни. Она была широко распространена в среде кочевых и полукочевых народов Евразийских степей и сохраняет свою форму до наших дней. Происхождение войлочной юрты, вероятно, связано с переходом к яйлажному скотоводству, и время ее появления теряется в веках.

Древнейший прототип юрты сохранился в росписи склепа Анфестерия в Крыму и на некоторых наскальных рисунках Казахстана и Сибири. Остатки древней кочевой юрты обнаружены при раскопке Пазырыкских курганов на Алтае и Ноин-улинских в Монголии. Войлочные ковры из больших Пазырыкских курганов по технике изготовления и орнаментации удивительно похожи на современные казахские.

О существовании у древних народов Евразии передвижных жилищ сообщают античные и средневековые мусульманские письменные источники.

Усуньский гуньмо (хан) имел “круглую кибитку, обтянутую войлоком”. Помимо войлочной юрты, отмечается существование “войлочных тюркских повозок”, яркую характеристику которых мы встречаем еще в записках Земарха. Описание войлочных повозок встречается у Плано Карпини, Рубрука, Ибн-Батуты и др. Характерно, что термин “кангка”, означающий по древне-тюркски повозку, высокую колесницу, сохранился до наших дней у казахов в названии “үйдiң қаңқасы”, которым обозначает остов войлочной юрты.

В работах арабских ученых Ал-Якуби (IX в.), Ибн-Фадлан (X в.) мы находим упоминание о юрте. Так, Ибн-Фадлан, путешествовавший по берегам р.Эмбы, писал: “Я находился целые дни в куполовидной тюркской юрте из войлока” [1].

Юрты из Дешт-и-Кыпчака в начале XVI в. описал Ф.Руз-

бихан: “Я раньше не знал юрты: первый раз ее увидел в окрестностях города Яссы (Туркестан). Я был поражен устройством их: некоторые юрты с окошками и разноцветными войлоками были установлены прямо на арбах... Юрты делали продолговатой формы с полным мастерством и изяществом. Спереди и сзади этих домов делали оконца, чтобы обитатели их могли выглядывать... Степень достоинства жилища доводили до термина небес... Я много удивлялся необычайному строению домов, которые будто воздвигали в воздушном пространстве. Какие преогромные шатры я увидел, поставленные на колеса! Узрел я обширные дома с окошками, прикрытыми войлочными занавесками, очень красивыми и искусными. Около жилищ всех султанов и эмиров я также видел подобные большие шатры и передвижные дома, и казалось, что вся ставка наполнена этими превосходными домами... так, что разом поражается и кружится голова от красоты, мастерства и изящества” [2].

Великолепное описание юрты мы находим в древних эпических поэмах: “Огуз-наме”, “Китаби-Коркут”, “Манас”, “Козы-Корпеш и Баян-сулу”, “Кыз-Жибек”.

С XVIII в. юрта становится предметом изучения многих географов и путешественников. Ученых интересовало своеобразное устройство юрты, ее происхождение, значение в жизни тюрко-монгольских народов. Некоторые ученые относят юрту к лучшим творениям кочевников. Значение юрты, ее устройство ярко описаны в трудах известных географов Оскара Пешеля [3] и Бронислава Залесского [4].

Для происхождения юрты огромное значение имело изобретение войлока. Войлок известен со времен Геродота. Находки из Ноин-улинских и Пазырыкских курганов свидетельствуют о многообразии войлочных изделий. Войлочное производство достигает своего расцвета в раннем средневековье. Ал-Якуби, отмечая, что тюркские ребристые шатры покрыты войлоком, так пишет об их обитателях: “Они самый искусный народ в изготовлении войлока, потому что из него их одежда” [5]. В.Рубрук пишет, что кыпчаки и канглы покрывали свой дом только белым войлоком, и, чтобы войлок сверкал ярче, его пропитывали известью, белой глиной и порошком из костей. Далее Рубрук дает описание войлочного ковра, расшитого аппли-

---

кацией, узорами из пестрых тканей в виде виноградных лоз, веток деревьев, птиц и зверей [6].

Потребность в войлоке у казахов всегда была огромной, потому что применялся он не только для покрытия, но и для внутреннего убранства юрты.

В зависимости от климатических условий районов обитания, зимние и летние жилища казахов были разными. В летнее время они жили в юртах, а зимой - в постоянных теплых помещениях, которые именовались по-разному, в зависимости от того, из какого материала были построены (кепе, жер-уй, кара-там, там-уй, агаш-уй и т.д.). Многие из них сохранили форму юрты.

К одному из древнейших типов постоянного жилища казахов относится шошала - круглое однокамерное помещение с коническим или сфероидным сводом. Шошала были срубные, плетеные, дерновые, из камня и сырцового кирпича. На территории Казахстана сохранились и другие типы древнейших однокамерных жилищ из камня, по форме аналогичных войлочной юрте и известных под названием дын, уйтас. Эти сооружения упоминаются в орхонских надписях и составляют один из типов архитектурных памятников Казахстана доисламского периода.

Для зимовок казахи избирали гористые местности или урмы, защищенные от степных ветров и буранов, богатые топливом, подножным кормом, водой. В таких местностях нередко образовывались большие селения. С наступлением тепла, когда альпийские луга в горах и долины рек покрывались ковром из цветов, здесь появлялись многочисленные аулы, в каждом из которых было от двадцати до ста юрт. Великое множество юрт в одной долине напоминало город. По описанию И.Георги, станы казахов “ по-елику аймаки охотно пребывают в союзе, довольно заключают в себе юрт и очень обширны”. Особенно многолюдно было около ставок феодально-родовой знати. Так, И.Георги писал, что “около ханского стана наберется юрт до тысячи” [7]. В августе 1816 г. горный инженер И.Шангие в долине реки Нура насчитал до 4000 кибиток [8]. Известный польский писатель А.Янушкевич, находясь в ссылке в Каркаралинском округе, объехал тысячи юрт, стоявших в горных и речных долинах Центрального Казахстана [9].

Сравнительное изучение материалов свидетельствует, что в быту казахов сохранилось много типических черт, характерных для древних скотоводов Евразийских степей. Казахи, унаследовав основные традиции древней кочевой культуры, значительно их развили и обогатили. Одним из традиционных элементов древней культуры остается кочевая юрта.

В Казахстане доминирует кыпчакский тип юрты, отличающейся своей четкой округлой формой и сферическим сводом. В то же время в Семиречье сохранился калмыцкий тип юрты с характерным коническим сводом, видимо, более древний по своему происхождению.

По своему назначению казахские юрты делились на три основных типа: юрты, служившие жилищем, юрты парадные, предназначенные для торжественных случаев, к ним относятся юрты знати и гостевые, и юрты походные. Кроме этих основных типов, были юрты, где готовилась пища, и юрты, служившие в качестве складов.

Походные юрты отличались небольшими размерами, они предназначались для военно-походных целей и для пастухов-табунщиков. Походные юрты были двух видов: более просторные назывались аблайша, поменьше - жолым уй, дорожный дом. Они состояли из трех кереге с короткими рейками - уык и миниатюрного шанырака. В XIX в. среди русских путешественников и военных эти юрты были признаны лучшей защитой от непогоды, более удобными, чем брезентовые палатки. Их охотно применяли в военно-лагерной службе русской армии в Оренбургском, Сибирском и Туркестанском военных округах. Существует специальная литература о применении юрты в военно-лагерной службе. Об использовании юрты в полевых условиях писал профессор Харьковского университета А.И.Якоби "Юрта чрезвычайно хороша для лагерной цели, особенно летом она положительно удовлетворяет всем главным условиям летучего военного госпиталя" [10].

По художественной отделке и убранству наибольший интерес представляют парадные юрты, носящие у казахов названия ак-уй, ак-орда, боз-уй, отау-уй. Под термином ак-орда известны юрты - ставки казахских феодальных владетелей, сделанные народными мастерами и описанные многими путеше-

ственниками. Наружный вид и интерьер султанской юрты неоднократно зарисовывался художниками XVIII-XIX вв. Эти рисунки хранятся в музеях Ленинграда.

Интересное описание юрт-ставок мы находим в трудах ученых и путешественников XVI-XVIII вв.; бухарского ученого Рузбехана, позднее - участников академических экспедиций - И.Фалька, Х.Барданеса, Г.Георги, П.С.Палласа, П.И.Рычкова и др. По словам академика Фалька, ставка султана Али, внука хана Абулхаира, была весьма обширна, состояла из множества кибиток, "между которыми его юрта самая большая и покрыта белым войлоком" [11]. По описанию Христофора Барданеса, юрты султанов отличались своей величиной, сверкающей белизной войлочного покрова и богатым убранством. Юрта султана Среднего жуза Мамета, по его рассказу, самая большая; она была разделена внутри завесой. В центре юрты висел большой котел, имевший декоративное значение. Кругом стояли красиво инкрустированные сундуки (чаглан), на которых лежали кожаные мешки. Пол был выстлан "коврами с подушкой, на которых сидел султан с супругой" [12]. Помимо обычных предметов обихода, типичных для кочевой юрты, путешественники отмечают наличие в интерьере султанской юрты редких и любопытных предметов. Особый интерес для них представляло богато орнаментированное султанское кресло. Аткинсон, описывая обряд погребения представителя знати у казахов, отмечает: "У палатки (юрты), где лежал покойник, стояло воткнутое в землю высокое копьё с черным флагом. Султан лежал у самого входа. В головах стояло его султанское кресло, как знак высокого его звания, а по бокам кресла лежали оседла, конская сбруя, оружие и одежда" [13].

Юрты-ставки отличались от других и своими размерами. Такая юрта состояла минимум из двенадцати, в среднем из восемнадцати, а самая большая - из тридцати отдельных решеток.

Из парадных юрт особо выделяется серия юрт, предназначенных в качестве дара или для выставок. Уникальной в художественном отношении была юрта, выполненная по заказу хана Внутренней Орды Джангира и преподнесенная им русскому царю Николаю I во время коронации. Это юрта средней величины, блиставшая своим убранством и тонкой отделкой. Мастера работали над этой юртой около двух лет. Описание ее

сохранилось в Оренбургском архиве и опубликовано П. Столпянским в “Тургайской газете” [14].

Из парадных юрт, изготовленных для международных выставок, следует отметить юрту Алмаза, отправленную на Парижскую выставку 1861 г., юрту Мейрама Жанайдарова, доставленную в Петербург на выставку Третьего конгресса ориенталистов в 1876 г. и хранящуюся в Государственном музее этнографии в Ленинграде, юрты Кодая и Сагная, выполненные по случаю приезда в Западную Сибирь великого князя Владимира и показанные на выставке в Омске, юрту Ибрагима Адилева, сделанную для выставки в Казани в 1890 г.

К парадным юртам относятся юрты, сделанные специально для гостей, конак-уй. Таким передвижным жилищем в прошлом веке и вначале нашего пользовались молодые казахи, воспитанники кадетских корпусов, приезжавшие на летние каникулы в аул и кочевывшие вместе со своими родителями. Нарядные юрты для гостей имели все более или менее зажиточные семьи.

Сохранилось описание юрты, сделанной специально для Чокана Валиханова по заказу его отца. В этой юрте Чокан жил после окончания кадетского корпуса и возвращения из Петербурга (1861-1863 гг.). Впоследствии в этой юрте останавливались А.К.Гейнс - член Степной комиссии (1865 г.) и Г.Н.Потанин, посетивший аул Валихановых в 1895 г. Вот как описывает А.К.Гейнс эту юрту: “За ... могилой какого-то сына Аблай хана стала видна белая как снег большая юрта; в отдалении еще несколько белых юрт, перемешанных с чрезвычайно грязными и закоптелыми. Это аул Чингиза... Юрта, приготовленная нам Чингизом, превосходит все, что я видел до сих пор. Она десятиканатная, т.е. кереге состоит из десяти решеток. Кереге красиво изогнуто и не крашено” [15]. Речь идет о юрте, тщательно отполированные кереге которой сделаны из березового дерева. Деревянный остов юрты так красив, что его оставляют в естественном виде без росписи.

Гостевые юрты в большом количестве устанавливались по случаю устройства годовых поминок - ас. Картина аса и порядок расстановки юрт на асах хорошо освещены в русской литературе.

Однако наиболее богатыми и роскошными были свадебные юрты - отау. Народные мастера с особым усердием и любовью украшали отау. Праздничная обстановка, связанная с церемонией образования новой семьи, находит свое выражение в роскошном убранстве отау. Устройство свадебной юрты, конечно, зависело от имущественного положения родителей, которые не жалели средств на проведение свадьбы, нередко тратили все состояние и беднели.

У казахов издавна были известны два типа свадебных жилищ: отау-юрта для молодых и кюйме-повозка на колесах. Кюйме относится к типу жилищ, бытовавших у кыпчаков, ногайцев, а позднее у казахов. Богато убранные кюйме были средством передвижения для казахской феодальной знати. Казахское кюйме XVIII в. воспроизведено на рисунках М.С.Маршала.

Во время перекочевков в кюйме жили только девушки и дети. Рубрук писал: "Женщины устраивают себе очень красивые повозки, которые я не могу вам описать иначе как живописью... Они служат как бы комнатами, в которых живут девушки".

Казахские обычаи допускали тайное посещение женихом невесты в кюйме (урын келу). Такие моменты поэтично описаны в "Козы-Корпеш и Баян-сулу", "Кыз-Жибек", "Камбар". В поэме "Кыз-Жибек" есть описание кюйме, аналогичное описаниям Рубрука и Ибн-Батуты. Голубая повозка - кок-кюйме Кыз-Жибек типична для кыпчаков, ногайцев и казахов. Рисунки кок-кюйме, выполненные художником Гейслером акварельными красками, хранятся в Государственном историческом музее.

Достаточно точное и подробное описание конструкции казахской юрты сделано Ч.Ч.Валихановым, В.В.Лотиным, П.Е.Маковецким и др.

Остов юрты составляет деревянный каркас, состоящий из трех частей: кереге - раздвижной решетчатой основы, образующей закругленные стены юрты, уык - купольных реек и шанырака - собственно купола юрты. Кереге составляется из нескольких решеток - канат. Для юрты средней величины требуется шесть-восемь решеток, для больших - двенадцать, пятнадцать, восемнадцать.

Установку кереге юрты начинают с двух сторон входа, обращенного на юг. Решетки одну за другой ставят до полного замыкания в круг, скрепляют их между собой ковровыми лентами.

Каждая решетка состоит из тридцати шести планок - саганак, имеющих длину до 220 см и ширину 4-6 см. Саганак имеет изогнутую посередине форму, которая достигается при обработке дымом с помощью специального устройства "тез". Верхняя часть планок имеет четырехгранную форму с желобками на лицевой стороне, а нижний конец на одну треть закруглен. Саганак окрашивается в коричневый, темно-каштановый или темно-бордовый цвет.

Планки-саганак складываются по диагонали, места их пересечения скрепляются с помощью кок - специальных ремешков, которые пропускаются через просверленные отверстия и скрепляются в узел. Такая решетка легко складывается и разбирается и удобна при перевозке. Решетки бывают двух типов: из массивных саганак, образующих мелкую сетку, этот тип называется тор коз; из более тонких саганак, образующих крупную сетку, и называется жел коз. Большие юрты состоят из решеток тор коз, размеры такой юрты зависят от количества бас - головок, куда вставляется уык - купольные рейки, число головок в самых крупных юртах триста шестьдесят. Каждая пара головок образует развилки, к которым привязываются уык, имеющий форму длинной рейки, выгнутой посередине. Нижняя часть уык имеет форму четырехгранной планки с закруглениями к концу и с желобками вдоль лицевой стороны. Верхняя же часть, составляющая две трети длины уыка, представляет собой отполированную круглую палку с заостренным концом в виде клина - калам, который вставляется в шанырак. Количество уыков совпадает с числом головок кереге и числом отверстий шанырака. Чем ближе сдвинуты головки кереге, чем больше уыков, тем стройнее и красивее силуэт юрты. Длина уыков от 2,5 до 5 м, в зависимости от величины юрты. Прикрепить уык к головке кереге большой юрты можно только стоя на коне или на высокой подставке.

Венчает юрту полусферический купол - шанырак, имеющий зенитное отверстие - тундык, которое служит окном. Через него выходит дым из открытого очага. Во время непогоды

он закрывается четырехугольным куском войлока, обшитым по краям шнуром.

Диаметр шанырака 3-5 м, что составляет примерно одну треть диаметра основания юрты. Верхний полушар - кульдреуыш сделан из взаимопересекающихся под прямым углом шестнадцати деревянных реек, закрепленных концами в круге. По бокам кульдреуыш закреплен поперечными планками - бакалак. Все это образует красивый силуэт купола юрты.

Вход в юрту имеет форму прямоугольного проема высотой до двух метров, шириной восемьдесят сантиметров. Перед входом стелили коврик - енесе.

В юртах знати двери - сыкырлауык были двустворчатые и филенчатые, часто с балясинами. Верхняя перекладина двери - мандайша, порог - табалдырык, внутренние стороны боковых косяков - ергенек или босага отделялись тонкой резьбой, иногда инкрустировались костью или покрывались росписью. Уникальные образцы дверей, представляющих большую художественную ценность, хранятся в наших музеях.

На ночь дверь прикрывалась войлочной завесой, расшитой разноцветными шерстяными нитками или украшенной аппликацией. Дверные завесы делались также из тростника, узорно переплетенного шерстяными нитями.

Решетки каркаса юрты снаружи покрывались циновками шим ши, размеры их не менее 2х3 м. Изготовление циновок требовало большого умения и вкуса. Каждый стебель тростника обвивался разноцветными нитями с таким расчетом, чтобы при плетении образовались орнаментальные рисунки, ромбы, квадраты.

Техникой плетения - ызу изготовлялись не только циновки, но и узорчатые ленты и тесьма с бахромой для украшения юрты-ызба бау.

Поверх циновок каркас юрты покрывался в два слоя войлоком. Нижний слой - большие полотнища из плотно скатанного войлока длиной 5-6 м, шириной до 3 м, покрывающие юрту от середины свода до земли - туырлык. Верхний слой войлочного покрытия юрты состоит из двух полотнищ - узук, покрывающих юрту от шанырака. Туырлык и узук по основанию свода юрты украшались войлочной лентой, расшитой ап-

---

пликацией из красного сукна в форме квадратов или ромбов, или традиционного орнамента - додеге, напоминающих фризы архитектурных сооружений. Подобные пояса, обрамляющие основание свода внутри юрты, называются туырлык кас и узук жапкы. Узук жапкы делались также из шелка и сукна. Расшитый золотом суконный узук жапкы хранится в фондах Эрмитажа.

Войлочные покрытия юрты скреплялись с корпусом шнурами и узорчатыми лентами - бельбеу.

Украшением свода юрты были широкие ковровые (ворсовые и безворсовые) дорожки - баскур, белые, зеленые и желтые ленты, расшитые ромбами, треугольниками, растительным узором, традиционным орнаментом, с кистями из разноцветных шерстяных нитей. Подвешенные к обручу шанырака такие ленты называются жел бау, к купольным рейкам - уык бау. Коллекции баскур и бау хранятся в музеях Ленинграда - МАЭ и ГМЭ, а также в музеях Ташкента, Алматы и др. Рисунки баскур, сделанные в середине XIX в. адмиралом А.Н.Бутаковым, хранятся в Государственной публичной библиотеке им. М.Е.Салтыкова-Щедрина, в архиве В.В.Стасова.

Многие исследователи отмечают, что в юрте соединено два начала: утилитарность и художественность. Архитектура юрты, обстановка, утварь образуют гармоничное целое. Так, внутреннее убранство юрты находится в тесной связи с ее наружным видом. Пол в юрте покрыт коврами - ворсовыми и безворсовыми - такыр клем, паласами - алаша, войлочными коврами с аппликацией - тус кииз или инкрустированными кусками цветного войлока - сырмак. На стенах - шелковые и войлочные ковры, сумы, одежда, у стен на резных деревянных подставках - лари и сундуки, покрытые войлочными или кожаными чехлами, кровать, отгороженная вышитым пологом. На полу вокруг низкого стола - кожаные или бархатные подушки.

Неотъемлемым элементом мира казаха является орнамент. Нет предмета домашнего обихода, который не был бы украшен орнаментом: посуда, оружие, сбруя, одежда, постельные принадлежности, сумы и чехлы для сундуков и т.д. Предметы убранства юрты выполнены техникой резьбы, тиснения, инкрустации, аппликации и т.д.

Юрта сохранилась до наших дней. Она не потеряла своего значения и является удобным летним жилищем в сельскохозяйственных районах Казахстана. Как и много веков назад, юрты оживляют пейзаж степных просторов, речных и горных долин.

Литература

1. Ибн-Фадлан. Извлечение из "Записки". Материалы по истории туркмен и Туркмении (МИТТ). Т.1. М.-Л., 1939.
2. Ибн Рузбихан. Воспоминание участников о походе Шейбани хана в Туркестан. В кн. "Прошлое Казахстана в источниках и материалах. Сб.1. С.110.
3. O. Peschel, Volkerkunde 6-te Auflage, Leipzig, 1885.
4. B. Zaleski. La vie des Steppes Kirghises descriptions, recits et contes, Paris, 1865.
5. Ал-Якуби. Китаб ал-Булдан. МИТТ, т.1, 1939.
6. Рубрук В. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911.
7. Георги И.Г. Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб. 1799.
8. Шангин И. Извлечение из описания экспедиции, бывшей в Киргиз-Кайсацкой степи в 1816 г. Сибирский вестник, 1820.
9. Жизнь А.Янушкевича по его письмам из Киргизской степи. Берлин, 1875.
10. А.И.Якоби. Поездка в Киргизскую степь Западной Сибири. Сборник судебной медицины. 1874.
11. J.Falk, Beitrage zur Kenntnis des Russischen Reiches. St. Peter. 1785-1786, Vd I, S. 20-21.
12. Полное собрание ученых путешествий по России. Т.УП, СПб., 1825.
13. Погребение у казахов. Иллюстрированная газета. 1864, N 15.
14. Столпянский П. Киргизская кибитка при высочайшем дворе Николая I. Тургайская газета. 1903. N 25.
15. Гейнс А.К. Собрание литературных трудов. Т.1, СПб., 1897.

Содержание

Предисловие	4
Петроглифы с тотемом волка. Тотем племени шапырашты	5
Древние караванные пути через пустыню Бетпак-дала	16
О значении эпиграфических памятников Казахстана	31
О происхождении племени канглы	39
Казахская юрта и ее убранство	45

Компьютерный набор А.Ш. Амренова
Компьютерная верстка В.В. Хегай
Редактор-корректор Р.В. Силуянова

*Сверстано на редакционно-издательском комплексе
РИЦ "ИДК-ТИРО"*

Подписано в печать 10.05.97. Формат 60x84/16. Бум. док.
Печать офсетная. Усл.печ.л. 3,3. Усл. кр.-отт. 3,4.
Уч.-изд.л. 2,8. Заказ . Тираж 1000 экз.

Институт развития Казахстана: 480057, Алматы,
ул. Жандосова, 60, 4-й этаж,
тел. 44-48-19, 44-78-41, факс 44-78-40